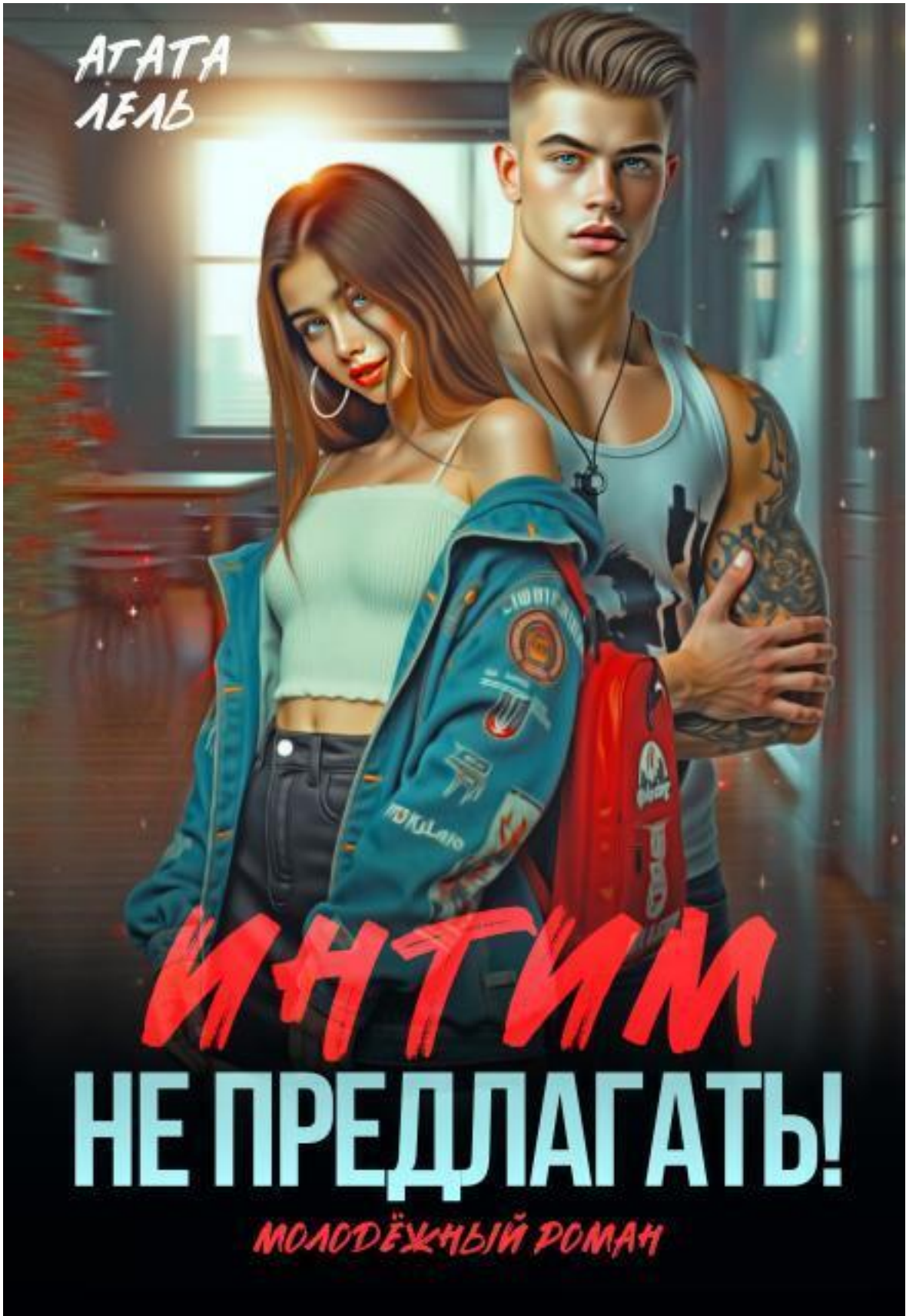

АГАТА
ЛЕЛЬ

ИНТИМ НЕ ПРЕДЛАГАТЬ!

МОЛОДЁЖНЫЙ РОМАН

Агата Лель

Интим не предлагать!

«Литнет»

2019

Лель А.

Интим не предлагать! / А. Лель — «Литнет», 2019

РОМАН ИЗДАН В «ЭКСМО» Странная штука – жизнь. Ещё вчера я грезила, как, получив диплом, уеду на ПМЖ в Америку, к парню, с которым познакомилась по интернету. А уже сегодня как дура стою в свадебном платье и с букетом карликовых роз в руках, в ожидании самого-самого расчудесного... мажористого недоумка, чьей женой я совсем скоро стану. И какой чёрт меня дёрнул подписаться на эту авантюру? #популярный парень и обычная девушка #постепенно зарождающиеся чувства

© Лель А., 2019

© Литнет, 2019

Содержание

Часть 1	5
Часть 2	9
Часть 3	13
Часть 4	15
Часть 5	18
Часть 6	23
Часть 7	27
Часть 8	29
Часть 9	33
Часть 10	35
Часть 11	37
Часть 12	40
Часть 13	44
Часть 14	47
Часть 15	50
Часть 16	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Часть 1

Гудок, второй, третий. Кажется, это будет длиться вечность. Малиновский, чёрт бы его побрал!

Сжимаю в руках раскалённую трубку и откровенно психую. Жара для начала мая стоит несусветная, макияж поплыл, туфли натирают, а вокруг головы кружатся сонные пчёлы. Спасибо подруге, что надоумила с утра сделать медовую маску для волос.

Снова набираю номер и жду, жду, жду.

- Жень, ну чего там? - кричит с балкона Анька, и я, приподняв край фаты, задираю голову наверх.

- Как видишь - ни принца, ни кареты.

- Ну ты подожди ещё, до регистрации целых двадцать минут, - озабоченно вещает с лоджии седьмого этажа Цветкова, а я, прикрыв раскрасневшееся от зноя лицо фатой, делаю вид, что не замечаю ехидного шушуканья соседок на лавочке.

Да, вы не ослышались - до регистрации моего брака остались несчастные двадцать минут, я как дура стою возле подъезда в свадебном платье, туфлях-лодочках и букетом карликовых роз в руках, в ожидании самого-самого-самого расчудесного на свете недоумка, чьей женой я совсем скоро стану.

Какой чёрт меня дёрнул подписаться на эту авантюру? Пожалуй, после предыстории все вопросы отпадут сами собой...

За неделю до трагического счастливого события.

- I miss you too, John.

- Же-е-ень!

- I have to run later in the evening.

- Женька!

- Seven o'clock.

- Ромашкина, блин! - психует Цветкова и, нагло выхватив из мои рук телефон, безапелляционно вырубает видео-связь. - Через две минуты пара у Веника, он нас в порошок сотрёт. Мы и так половину прошлой лекции в кафе-мороженом прогуляли.

- Ты даже не дала мне с Джоном нормально попрощаться, разве так подруги делают? - нахмутив брови, отнимаю телефон и бросаю на дно сумочки. - Он, между прочим, через несколько дней в Альпы улетает, а там связь плохая.

- Успеешь ещё наворковать со своим Джоном! Он там, в своей Америке, а Веник, - Цветкова расставляет пятерню на головой и имитирует кроличий прикус, - а Веник здесь, в соседней аудитории и он очень-очень зол. Хочешь помимо билета до Аризоны ещё и на диплом фальшивый копить?

- Нет-нет, это крайне нежелательно. Я сейчас каждую каждый рубль откладываю, копейка - и то на вес золота! - хватаю подругу под руку и едва за ней поспеваю. - Если бы ты знала, как я мечтаю сделать Джону сюрприз! Представляешь, сидит он такой дома, изучает свои походные карты или компас чинит, тут звонок в дверь и та-да-а-ам...

- Что тадам?

- Не догоняешь? А в дверях я, Цветкова! Нежданно-негаданно.

Вот он офигеет.

- Веник офигеет ещё больше, если мы на пару вовремя придем, - Анька открывает дверь и подталкивает меня в шумную аудиторию. - Закончишь универ и езжай тогда куда хочешь. Я мамке твоей обещала за тобой присматривать.

- Да ты сама ведёшь себя как мамка моя порой, - бросаю на стол сумку и плюхаюсь на свободное место. - А я, между прочим, на два месяца тебя старше!

- Возраст, Ромашкина, не годами в паспорте исчисляется, если ты не знала, а содержанием того, что содержится здесь, - бьёт себя ладонью по макушке. - А ты, в своих тепличных условиях, страшнее таракана на хлебнице в жизни ни с чем не сталкивалась.

- Фу-у, да я бы в обморок рухнула, если бы таракана на хлебнице увидела.

- О чём и речь, Женька, о чём и речь, - Цветкова достаёт из сумки свои окуляры и водружает те на нос. - А я с седьмого класса отца пьяного с работы на себе тащила, борщи варила и брата младшего воспитывала.

- Это да, тут тебе не позавидуешь, - вздохнув, ставлю локоть на стол и опираюсь щекой на кулак. - Мама тебя мне в пример с самого детства ставила, мол, посмотри на Аню, какая умная и взрослая не по годам девочка, маленькая хозяйка, а ты... ромашка тепличная. А вот так подумать - фамилии у обеих цветочные, а с клумб разных.

- Просто твою клумбу любовью и баловством поливали, а мою... - Анька машет рукой, намекая закрыть эту не слишком приятную тему, но потом всё-таки не выдерживает: - Зато маменька моя удачно замуж второй раз вышла, - и язвительно, - за моряка! Не зря хоть из дома убегала.

Кладу руку на плечо подруги и притягиваю Цветкову к себе ближе.

- Не расстраивайся, Аньк, зато моя мамка знает как тебя любит, мне иногда кажется, что даже больше, чем меня.

- Тётъ Алла - мировая женщина. Так что, Ромашкина, даже не думай о глупостях, я с тебя живой не слезу, но до диплома доведу. Я тётъ Алле обещала.

С Анькой мы с детства как родные, все так нас и называли во дворе - молочные сёстры. Абсолютно разные, но отлично дополняющие друг друга. А тех пор, как мать её к мужику другому сбежала, Анька мне ещё ближе стала. Вплоть до одиннадцатого класса не разлей вода: совместные ночёвки, вылазки на природу, выходные на даче, да и после школы как шерочка с машерочкой - в институт один поступили, делим однушку на двоих.

И кто сказал, что женской дружбы не бывает?

- Скажи спасибо, что я ей о твоих пашнях с этим твоим мутным Джоном ещё не доложила, - добавляет Цветкова, и я вспыхиваю:

- Ты что! Даже не вздумай! Она меня точно дома под замок посадит, как эту, ну как её там...

- Рапунцель.

- Точно! У меня и коса как раз длинная. А-ань, как же он мне нравится, - ложусь на вытянутую руку и мечтательно прикрываю глаза.

- Представляешь: закончу универ, улечу к Джону в Америку, будем с ним вместе путешествовать, потом поженимся, детишек родим...

- Вернись на землю, Ромашкина, - жестоко осаждает подруга. - Джон этот твой мне, если честно, доверия не внушает совсем, - и тише: - Мутный он. Скользкий. Вот пятой точкой чую.

- Много она понимает, твоя пятая точка, - обиженно принимаю вертикальное положение и одёргиваю полы лёгкого пиджака. - Джон классный и он меня любит. Он сам сказал.

- О, да! Правду в глаза легче всего говорить по телефону. А уж врать...

- Да иди ты! - ...и в надежде переменить тему смотрю на часы: - И где этот Веник ходит? На нас за опоздания орёт, а сам уже на четыре минуты лекцию задерживает. Я, может, изнемогаю, к знаниям тянусь.

- Влюбчивая ты, Ромашкина, глупышка ещё, - тоном опытной матроны изрекает Анька и, открыв толстую тетрадь тут же её захлопывает, с хитростью заглядывая мне в глаза: - Вспомни Ширяева. Как ты по нему сохла?

- Ну ты скажешь тоже! Это когда было?! Ты ещё события сорок первого года вспомни.

- А что было в сорок первом? - тут же цепляется Цветкова.

- Война, - хлопаю глазами. - Вторая мировая.

- Между кем и кем?

- Отстань, а! - с улыбкой пихаю в плечо подругу и тоже достаю тетрадь. - Да и не нравился мне Ширяев прям так уж чтобы...

- Да-да-да, после школы его поджидала и записки любовные в карманы подкладывала.

- Это в восьмом классе было, алё! Ребёнок я была.

- А Грибанов? - шуруется Цветкова и противненько так меня пародирует: - Анто-он, Анто-шенька-а, я буду тебя с армии ждать, честно-честно! - и строго своим голосом добавляет. - Потом в жилетку мне рыдала неделю, когда узнала, что он там по самоволкам к девчонкам в общагу от швейного техникума бегаёт. И курить ты тогда первый раз попробовала, я всё-ё помню.

- А это было в одиннадцатом! Тоже недалеко умом от восьмого ушла, - защищаюсь я.

- Ну хорошо. А Малиновский Богдан?.. - ещё один шар в лузу.

- Ты дурочка, что ли? Малиновский - идиот каких поискать, и по нему я точно никогда не сохла. Так, понравился чисто внешне при первой встрече, но потом, когда я его получше узнала... Да чтобы с ним даже на одном поле - да ни в жизнь! - уверенно отрезаю я и не вру.

Заносчивый мажор. Думает, что вся женская половина института к его ногам пасть готова, едва он только дверь купленного на деньги папочки Бентли приоткроет и пальцем поманит. Ни за что! Вот в него у меня не влюбиться ума точно хватило. Как понравился при первой встрече, так сразу и разонравился.

- Ну ладно, Малиновского можно вычеркнуть, и то, - поучительно выкидывает указательный палец Анька, - это потому что я тебе быстро глаза на него открыла. Если бы не я, ты бы точно повелась.

- Да прям! - фырчу и даже начинаю раздражаться. - Короче, хватит все мои симпатии перечислять, Джон - это точно другое. К нему у меня настоящие взрослые чувства и я обязательно найду деньги и улечу в Америку, вот увидишь.

- Ну ладно, ладно, только диплом сначала получи, а потом хоть к Джону в Америку, хоть к Василию в Перелёшино, - разрешает Цветкова, и я не могу удержаться от улыбки.

Ну точно в мамки записалась.

Дверь с лёгким скрипом открывается и в аудиторию заглядывает... Малиновский. Он-то что тут забыл? Как говорится: вспомни, кхм, и вон оно.

Смахнув со лба модно подстриженную чёлку, Малиновский бегло осматривает аудиторию и, игнорируя выстрелы неприкрытого восторга со стороны - что уж греха таить - практически всех девчонок, впивает взгляд в меня.

- Ромашкина, иди сюда, поговорить надо, - кивает себе за плечо Богдан, но я даже ухом не веду.

Беру в руки карандаш и демонстративно плююсь на исписанную оставшимися от прошлой лекции формулами доску.

- Ромашкина! - повторяет Малиновский громче и хмурит густые тёмные брови.

- Ещё чего! У меня лекция, - не смотря на него выдаю я, и прямо кожей ощущаю, как у всех челюсть отвисла.

- Так Веника же нет. Иди, не пожалеешь.

- Тут говори, у меня от Цветковой секретов нет. И от остальных тоже.

- Вот настырная, - Богдан криво усмехается и к общему восторгу девчонок проходит в аудиторию. Подойдя к нам с Анькой, ставит локти на стол и стреляет по сторонам голубыми глазами. - Ромашкина, разговор крайней степени важности. Пошли.

Кошусь на Аньку - та сидит с непробиваемым фейсом. Слышу сзади шепоток Селивановой:

- Богдаш, а я не подойду?

- Прости, лапуль, не сегодня, - и под нос: - да и не завтра. - И тут же громко, включив всё своё обаяние: - Ромашкина, будь человеком, удели мне минуту своего драгоценного времени.

- Ла-адно, - тяну и нарочито медленно поднимаюсь со скамьи.

Честно, не знаю, зачем согласилась. Наверное, чтобы утереть нос всем этим красоткам с нашего потока. Так-то и я ничуть не хуже - фору любой дам, но повыделываться всё-таки хотелось.

- Я скоро, Ань, - бросаю Цветковой и неторопливо выхожу вслед за Малиновским. Закрыв дверь, прислоняюсь к той спиной и складываю руки на груди: - Ну и? Чего тебе?

- Не-не, лапуль, не здесь - разговор серьёзный и, - подмигивает, - интимный.

- Я тебе не лапуля - это раз, и с интимом, вон, к Селивановой, она всегда «за». Так чего надо?

- Короче, - Богдан трёт пальцами подбородок и осматривается по сторонам. - Короче, дело такое... Блин, даже не знаю как сказать-то...

- Да говори уже, прям как девица на выданье. Да что это с ним такое в самом деле.

Убедившись, что никто не греет уши, Малиновский подходит ближе и как обухом:

- Короче, выходи за меня, Ромашкина.

Часть 2

- Чего-о? Совсем, что ли, с дуба рухнул! - кручу пальцем у виска и настораживаюсь: - Или ты под чем-то? Ты это, серьёзнее будь, Малиновский, не запускай себя, сейчас всё-всё лечится, любая зависимость.

- У меня зависимость от тебя, лапуль, - Богдан делает шаг и прижимает меня к двери своим благоухающим Гуччи телом. - Влюбился, сил нет, день и ночь о тебе думаю. Э, что это ты вытворяешь?

- Что-что, телефон достаю, - ворчу, и кое-как извлекаю аппарат из кармана пиджака. - Ты не волнуйся, сейчас позвоним куда следует, тебе помогут. Медицина знаешь как вперёд шагнула.

- Ну вот что ты глумишься, я же серьёзно.

- Малиновский, иди в баню! Заливай кому-то другому, но не мне, - спихиваю его с себя и собираюсь покинуть этот театр абсурда.

- Жень, да постой, - Богдан берёт меня за руку и останавливает. Вот чёрт знает почему, но снова позволяю себя уговорить и оборачиваюсь. - Короче... Блин, Веник тащится, пойдём в другом месте поговорим, - тянет меня к лестнице, но я артачусь:

- Не пойду я с тобой никуда, у меня лекция!

- Ромашкина, ну чего ты тугая такая, говорю же - дело крайней важности.

- Если Веник влепит мне прогул, отмазывать меня будешь ты! - стараюсь громко не топать, юрко сматываемся на лестницу, несёмся на первый этаж и, переводя дух, оказываемся в полупустой столовой. Тяжело дыша, смахиваю с лица выпавшие пряди: - Всё, выкладывай, может, как-то смогу ещё без палева в аудиторию пробраться и ничего не пропустить.

- Давай кофе возьмём?

- Да что такое-то, а? Зачем столько прелюдий? Кофе, потом потанцуем, потом ты меня домой проводишь, и, может, только пото- ом...

- Нравись ты мне, Ромашкина, вот что, - серьёзно произносит он, и на долю секунды я ему даже как будто бы верю, но через мгновение тут же начинаю хохотать на всю столовую.

- Я? Тебе? Да ты ж сам меня квёлой ледышкой обзывал, забыл?

- Ну это я дурак был.

- А сейчас поумнел?

- А сейчас - поумнел, - кивает он и, не в силах больше сдерживаться, тоже смеётся, являя миру ямочку на левой щеке. Сдаётся мне, что эта его ямочка половину института с ума и свела. Даже я когда-то на неё запала, в далёком-далёком прошлом.

- Поздравляю - ты теперь умный, флаг тебе в руки. Мне пора, - жму его ладонь и собираюсь удрать, но он цепляется за мои пальцы и, без спроса подтянув к столику, усаживает на обшарпанный столовский стул. Мелькает мысль - хорошо, что не в колготках, точно бы зацепки остались. Тяжело вздыхаю и, закинув ногу на ногу, складываю пальцы рук в плотный замок. - Ну чего тебе? Только не надо мне ля-ля про любовь, а то меня кофе утренним стошнит.

- Ладно, понял я, что с тобой эта стандартная пурга не прокатит, - обречённо машет рукой Малиновский и убирает пятернёй на макушку надоевшую чёлку. - Признаюсь, чувств у меня к тебе никаких, прости. Только не реви.

- Пф! - иронично выдыхаю я и закатываю глаза.

- Но руку я тебе действительно предлагаю. Извини, без сердца.

Этот орган китайская доставка где-то по пути из Шанхая потеряла.

- Ты идиот, Малиновский, и шутки у тебя не смешные.

- Да не шутка это! - возмущается он.

- Ну если не шутка, то засунь свою руку в...
- Понял, не дурак, - вскидывает ладони Богдан и, подавшись вперёд, понижает тон: - Не нужна рука - просто возьми кольцо, - и тут передо мной на исполосованный царапинами стол ложится коробочка от Тиффани.
- Ва-ау! Вот это да-а-а-а! Уи-и! - восхищённо верещу и тут же меняю тон: - Ты этого ожидал или чего?
- Примерно этого, но ты оказывается совсем с браком.
- Я сейчас уйду.
- Стой! - выпаливает он и снова мило улыбается: - Реагируй как хочешь, просто возьми его себе.
- И что мне с ним делать?
- Надеть на палец и пойти со мной в загс, скажем, в понедельник.
- Много у тебя в понедельник пар?
- Псих! - бросаю и действительно начинаю его всерьёз опасаться.
- Да не псих я. Короче, правду-матку? О'кей, - шаркая ножками о линолеум он пододвигает стул ближе и, положив руку на стол ладонью вниз, бормочет: - Клянусь говорить правду, только правду и ничего кроме правды.
- Малиновский, а тебе сколько лет? - бесцеремонно перебиваю этот несуразный спич.
- Двадцать один.
- М. А кажется, что одиннадцать.
- Но-но, ты мне такие маленькие цифры не называй, они мне самооценку ниже плинтуса опускают, - грозит пальцем Богдан, и я усиленно вспоминаю, где и когда так согрешила.
- Короче, так, - ударяю ладонями о стол и, приподнявшись, нависаю над шутником: - Или прямо сейчас говоришь как есть...
- Классные у тебя... - делает акцент глазами на вырез моей кофточки и я взвиваюсь:
- Всё, оно лопнуло.
- Что лопнуло?
- Моё терпение! - вскакиваю со стула и пулей лечу на выход, толкнув по пути первокурсника с полным подносом столовской еды.
- Ромашкина, стой! - Малиновский в три секунды меня догоняет и, не обращая внимания на возражения, тянет к пыльному подоконнику, на котором одиноко притулилась захошая фиалка. Придавив меня к ледяной чугунной батарее, говорит, наконец, без всяких премудростей: - Короче, я попал по полной, и мне срочно - вот прям как диарея из... - ловит мой свирепый взгляд, - ...того места, куда ты мне мою руку предложила засунуть нужно на ком-то жениться.
- Ну так выбери любую, свистни - очередь сбежится. Я-то тут при чём?
- Так я тебя выбрал.
- А я тебя нет.
- Ромашкина, не будь дурочкой, предложение - закачаешься. Выслушай прежде условия,
- шепчет он, и я против воли восхищаюсь цветом его глаз. Голубые-голубые, как небушко.
- Я точно не соглашусь, но условия узнать интересно. Ну просто чтоб знать степень твоего помешательства.
- В общем, за брак со мной - краткосрочный! - уточняет, - фиктивный брак, я заплачу тебе три миллиона рублей.
- Чего-о? Да ты гонишь! - пихаю его ладонями в грудь и вырываюсь из вынужденного плена. - Нет у тебя таких денег!
- Ты тачку мою видела? Бентли. Подарок деда. Знаешь, кто мой дед? - выдерживает интригу и стреляет: - Мой дед - владелец Нефть ДорТранса.

- Снова гонишь. Да был бы твой дед тем самым Малиновским, ты бы в этом универе не учился, протирал штаны где-нибудь в Гарварде.

- А я и протирал. Шесть месяцев отучился и вот я здесь, на радость всем.

- Турнули?

- Шесть месяцев пьянства, бесконтрольных вечеринок и умопомрачительного, - играет бровями, - секса. Оно того стоило. Правда, потом обо всём прознал дед, - и грустно так, - да что теперь об этом.

- Нет, я подозревала, что кто-то из твоих родственников важная шишка, но чтобы сам Малиновский... Ну ты точно идиот, такой шанс упустил. Это же Америка, моя мечта!

- Серьёзно? - глаза Малиновского загораются словно огни кремлёвской ёлки. - Ну так поможем же друг другу, Ромашкина! Сам Боженька мне на тебя перстом указал. Ты мне маленькую услугу, я тебе три миллиона - с помощью них ты точно в Америку укатить сможешь. В Нью-Йорк! Эмпайер Стейт Билдинг посмотришь, Статую Свободы.

- Мне в Аризону надо, - вздыхаю и задумчиво прикусываю нижнюю губу.

- Странная мечта, конечно, но в Аризону так в Аризону. Ну что, по рукам?

- Ты совсем больной? Выйти замуж за тебя даже ради денег - нет, спасибо, ищи другую дуру, - отказываюсь и поворачиваюсь лицом к окну, рассматривая двор сквозь заляпанное стекло.

- Да что ж ты такая упёртая! Ни к чему не обязывающая распись в ЗАГСе, потом развод и привет - знойная Аризона! Ну сама подумай, где ты ещё столько денег возьмёшь? У тебя же такого деда нет.

- Мой дед - ветеран войны, он Берлин брал! - шиплю оскорблённо.

- Супер, часть и хвала, но денег у него таких нет. А у моего есть, стало быть, они есть и у меня.

Скрещиваю руки на груди и оборачиваюсь на змея-искусителя.

- Богдаша, а кстати, зачем тебе так срочно жениться? От армии откосить, что ли?

- Хуже. Мой другой дедушка, по маминой линии, недавно отдал Богу душу...

- О, соболезную, - говорю вполне искренне, но он только отмахивается:

- Мужчина он был такой, с юмором, у нас это семейное, если ты заметила.

- Не заметила.

- В общем, он оставил мне крупное завещание, ну там квартиру на Арбате, долю в бизнесе, ну и так, ещё по мелочи, но получить я его смогу только лишь если буду женат, - разводит руками и оттопыривает нижнюю губу. - Вот подстава, да?

- Ну ты насквозь меркантильный, Малиновский! - не скрывая презрения кривлюсь я. - Дед хотел, чтобы ты остепенился, а ты подставу решил замутить чтоб поскорее его деньгами завладеть.

- А ты шаришь, - довольно улыбается он и ямочка не заставляет себя долго ждать. - Всё так и есть. Через пару месяцев мы универ закончим, я хочу выйти на волю не с пустыми руками. У меня большие планы на будущее и для этого мне нужно это наследство. Ой, вот только не надо тут строить из себя. Как будто бы ты от такого куша отказалась.

- Таким путём - конечно, отказалась бы!

- А я вот не святой, - разводит руками, - и нимба нет. Мне нужны деньги и ты. Тебе тоже нужны деньги и... я. Мы повязаны. У нас нет выбора.

- Деньги мне нужны, это точно, - задумчиво тяну, понимая, что встреча с Джоном из мифической становится более чем реальной. - Но я в толк не возьму - почему я? Почему не Лошкарёва или Соломахина, или Селиванова на худой конец. Я-то почему?

- Ну потому... - зависает, - ...потому что я знал, что тебе деньги срочно нужны.

- Откуда это?

- Да не столь важно, - машет ладонью, мол, не приставай. - Ну и к тому же ты симпатная, всё при тебе, мои точно поверят, что я к тебе любовью воспылал и жениться решил. Ну так что, Ромашкина, не тани kota за....

- Да думаю я, подожди, - нервно кусаю губы и думаю, анализирую, взвешиваю.

Так-то, ну что я теряю? Подумаешь, паспорт печатью замараю, потерплю его один день и всё - три миллиона. Три. Миллиона. Да в моём родном городе можно на эти деньги трёхкомнатную квартиру купить, или двухкомнатную и гараж, или однокомнатную, гараж на две машины и эти самые две машины. Ай, да дофига на что хватит! Три миллиона! Мама дорогая! Я смогу уехать к Джону, сделать ему сюрприз. Никакие квартиры, машины и гаражи не сравнятся с восторгом, что будет сиять в его глазах. Ну уж а если не срастётся, приеду домой и куплю себе на оставшиеся однушку. И ещё что-нибудь. Хотя чего это не срастётся - ещё как всё получится!

Всего-то надо поиграть в мужа и жену денёк, так-то не сильно уж и перетружусь.

На спорт-площадке бегают кросс розовощёкие первокурсники - унылое зрелище, ни один из них с моим Джоном не сравнится. Перевожу взгляд на голубое чистое небо и вижу, как оставляя после себя белую дымку летит самолёт. А в нём лечу я. В Америку.

- Три миллиона и свадебное платье, - твёрдо цежу я, не отрывая взгляд от исчезающей в небе точки.

- Что? - переспрашивает Малиновский.

- Говорю: с тебя три миллиона и свадебное платье. И туфли, - добавляю, уверенно протягивая руку. - Мы женимся, потом разводимся, ты отдаёшь мне деньги и мы друг друга больше не знаем. И ещё важный момент: никакой брачной ночи. Секса не будет!

Малиновский, надув щёки с облегчением выдыхает и, смахнув движением головы мешающуюся чёлку, протягивает руку:

- Пф, да у меня этого секса завались. Никакого секса. Замётано.

Часть 3

- Ты с ума сошла! Всё, немедленно звоню тётё Алле! - восклицает Анька и хватается с письменного стола свой мобильный.

Со скоростью спринтера подскакиваю к Цветковой, выхватываю телефон и поднимаю в вытянутой руке над головой. Анька щурит глаза и, понимая, что с высоты своего карликового росточка точно не допрыгнет, просто протягивает руку и требовательно:

- Дай сюда мой смартфон.

- Нет!

- Ромашкина, не буди во мне зверя!

- Ни за что.

- Сама напросилась, - шипит Цветкова. Цапнув мой айпад, несётся в ванную и, удерживая планшет двумя пальцами, заносит над тазиком с замоченным бельём: - Отдашь?

- Ты дурочка, что ли, знаешь, сколько он стоит?! - возмущаюсь, но телефон не отдаю.

- Мне всё равно! Если ты считаешь, что я вот так запросто разрешу тебе принять участие в этой безумной аванюре - то ты глубоко ошибаешься. Ни за что не позволю, чтобы моя лучшая подруга

- единственная! - нажимает, - лучшая подруга сломала себе жизнь!

- Цветкова, не будь параноиком, это фиктивная свадьба - фик-тив-на-я! - произношу по слогам и сажусь на край ванной. - Ну это же так просто - расписаться ради штампа и тут же развестись. Зато три куска, Цветкова. Три! Ты только представь себе эту кучу деньжищ.

- И представлять не буду, просто позвоню твоей маме и она моментально выбьет всю дурь из твоей пустой головы. Согласиться на это безумие, это же.... это же высшая ступень глупости! Сама подумай

- это Малиновский, от него точно добра не жди, а вот подлянку - запросто. Он что-то задумал, точно тебе говорю, - со знанием дела констатирует Анька, и я закатываю глаза, негодую от её феноменальной упёртости.

- Ну что он может задумать? Жениться на мне и потом завербовать в пожизненное рабство? Да нафик я ему сдалась, как и он мне, у нас чисто деловое соглашение - я помогаю ему, он помогает мне, все счастливы, все довольны, фейерверки, бабочки, салюты.

- А если он тебе потом развод не даст? - щурит глаза Цветкова.

- Да зачем ему это? Я тебя умоляю!

- А если он тебя на правах мужа, - запинаясь и говорит чуть тише "страшным" голосом: - а если он тебя обесчестит?

- Ну тебя уже совсем не в ту сторону понесло. И я сразу ему сказала, что никакой брачной ночи - это главное условие.

- Так он прям тебя и послушает, ага. Святая наивность, будто вчера родилась. Окрутит, обаяет... гадости какой-нибудь в минералку подсыплет - и всё, финита ля комедия, - Анька поджимает губы и садится на крышку унитаза. - Волнуюсь я за тебя, Жень, ну правда дело плохо пахнет.

- Нормально оно пахнет, деньгами, - воспользовавшись заминкой забираю свой гаджет и вкладываю в слова всю уверенность, которую на данный момент ощущаю: - Всё будет хорошо, Ань, не волнуйся. Ты, наоборот, радоваться за меня должна, такое щедрое предложение одной на миллион достаётся. Получу деньги, сделаю сюрприз Джону - полечу без обратного билета и никуда он не денется, - хихикаю, - а потом мы и тебя в Америку к себе заберём.

- Больно нужна она мне, Америка твоя, мне и здесь хорошо, - Цветкова горделиво задирает подбородок, а потом сдаётся. Махнув ладонью, поднимается с крышки унитаза и деловито

расправляет на домашних шортах складки: - А вообще, ты права - жизнь твоя, шишки твои и решение тоже твоё. Только потом не реви мне в плечо.

- А чего это мне реветь?

- Потом, когда этот подлец тебя обманет - а он обманет, попомни моё слово - ни один литр слёз в жилетку мне прольёшь.

- Не каркай! - суеверно стучу по деревянному шкафчику и поднимаюсь следом за подругой. Желая подбодрить, кладу руку на её плечо и игриво толкаю бедром: - На свадьбу-то ко мне придёшь?

- Подумаю, - набивает цену Анька, но я вижу, что она уже почти не злится. - И в кого ты только, Женька, такая....

- Какая?

- Безбашенная. Я бы ни за что на подобное не решилась.

- Да я бы тоже не решилась, но ты знаешь, три миллиона здорово усыпляют страх. И разум заодно.

Мы, обнявшись, выходим из ванной, и Анька кивает на мой карман:

- Телефон-то верни.

Достаю её мобильный и застываю в нерешительности:

- Точно мамке звонить не будешь?

- Да точно не буду.

- Поклянись!

- Ну что за глупости!

- Давай-давай, как в детстве, - и подсказываю: - Клянусь, что ни за что не нарушу слово, иначе...

- ...иначе не сойти мне с этого места и век замуж не выйти, - закатив глаза заученно продолжает Анька и протягивает руку. Вкладываю в её ладонь простенький смартфон и точно знаю, что клятву Цветкова не нарушит.

Аня убирает мобильный в ящик и садится за письменный стол, деловито вывалив перед собой гору потрёпанных учебников. Водрузив на аккуратный нос очки, оборачивается на меня и выкидывает указательный палец:

- Но учти - мне всё это не нравится.

Часть 4

За день до предложения

- Тринадцать, четырнадцать и... пятнадцать, - листаю записную книжку до конца и убираю новёхонький айфон в карман джинсовки. - Против твоих несчастных четырёх. Прости, но это провал, бро.

- И как ты это делаешь?! За полчаса уломать пятнадцать девчонок дать свой номер телефона - это же, блин, магия какая-то, - Артём раздосадованно бьёт ладонью по кожаной обивке дивана и берёт свой стакан с пивом. - Колись, они все уродины были?

- Ты видишь здесь уродин? - задаю встречный вопрос и обвожу взглядом переполненный танцпол, где она симпатнее другой.

- Тогда половина номеров точно левые, - перекрикивая оглушающую музыку уличает друг и довольно откидывается на спинку дивана. - Написал от балды, чтоб впечатление произвести.

- Звони по любому и если хоть один из них окажется липовым, я тебе... ну не знаю... Я тебе тачку свою на неделю дам погонять. Но если все реальные, ты сбрываешь свой хайер, - бью сразу джокером, и Пашутин, на автомате тронув свою укладку-помпадур, скисает.

- Ладно, признаю, ты меня сделал. В который раз. И что в тебе есть такого, на что они все ведутся?

- Харизма, неопишущая красота и шикарное мускулистое тело?

- Оставь эту фигню, вон, для них, - Артём кивает на заполненный девицами танцпол и угрюмо присасывается к стакану.

По правде говоря, Тёму даже немного жаль. Из кожи вон лезет чтобы закадрить какую-нибудь зачётную тёлочку, а в итоге слышит только смешки в свой адрес и очередное нет. Не сильно разбираюсь в мужской красоте, но Пашутин, вроде бы, не урод, в спортзал ходит, да и с деньгами ненапряжно, но с девчонками полная беспросветная засада.

А как у меня? А у меня, как вы, наверное, уже поняли - всё просто зашибись. Пятнадцать номеров за полчаса - это далеко не предел. У меня вообще безграничные возможности во всех областях. Да-да, во всех, вы не ослышались, и то, о чём вы в первую очередь подумали, я тоже делаю феноменально.

- Короче, ты хочешь сказать, что можешь закадрить вот прям вообще любую? - осушив стакан, Пашутин подаётся вперёд и щурит уже прилично залитые глаза.

- Вообще любую, - бросаю не раздумывая, нисколько не сомневаясь в своей правоте. - Называй кого хочешь и уже завтра она будет засыпать с моим именем на губах.

- И Кузнецова?

- Кузнецова? Так она вроде бы того, не по мальчикам.

- Ну ты же сам сказал, что любую! - цепляется Артём, а я начинаю раздражаться.

- Любую из тех, кто ценит настоящих мужиков. Перевоспитывать анорексичных неврастеничек, решивших, что жизнь - тлен, а все особи не имеющие буферов по-умолчанию уроды - дело неблагодарное.

- Ну хорошо, а Петрова Настя?

- Петрова же с Назаровым. Женщина друга - не женщина, - строго пресекаю, и тут ослепительный взгляд Пашутина загорается как-то по- особенному хищно:

- Ладно, о'кей, а Ромашкина?

- Ромашкина? - хмурю брови и задумываюсь. - А кто это?

- Женька Ромашкина, на инязе учится.

- Подожди, это та, что ли - мелкая в очках? - кривлюсь, вспомнив коротышку в мешковатых пиджаках для которой лучший подарок - абонемент в библиотеку. - Ты издеваешься? Она же ботаничка!

- Нет, это Цветкова, подруга её, а Ромашкина - высокая, волосы русые, ну они ещё с ботаничкой вечно вместе таскаются, - подсказывает Тёма и до меня отдалённо доходит, кто это такая. На внешность, вроде бы, ничего, но там с характером беда, взгляды на жизнь, мягко говоря, странные. Пересекались как-то давно - не впечатлила.

- Да ну её, эту Ромашкину, больше никого на примете нет? Может, давай Аристову?

- Нет, сам сказал, что любую - значит, любую. И я хочу, чтобы это была именно Ромашкина, - довольно тянет улыбу Пашутин. - Закадришь - признаю, что ты непобедимый альфа. Но сдаётся мне, что эту крепость ты не возьмёшь, - поддевает Артём, забирая из рук официантки очередной бокал.

- Пф, нет такой крепости, которую я бы не взял. Не возвели ещё такую.

- Правда? Вот и проверим.

- Да легко! Завтра ищи на её страничке наше совместное селфи. В моей спальне, - и хоть и без особой радости, но уже начинаю разрабатывать свой личный план Барбаросса.

Может, придётся чуть-чуть повозиться, хотя если судить по той скудной информации об этой идейной особе - не чуть-чуть. А, ладно... прорвёмся.

- Нет, так дело не пойдёт, - пьяно машет головой Артём и выставляет ладонь вперёд: - То, что ты мастер на уши присесть и на секс развести, это я уже знаю, а вот настолько ли ты неотразим, чтобы Ромашкина замуж за тебя вышла? А? Ну как тебе?

- Ты совсем больной? Всё, этому парню больше не наливаем, - попытался отобрать у него бокал, но Пашутин рывком притянул его к себе ближе, расплескав на стол добрую половину.

Наклонившись, обдал алкогольными парами:

- А что так? Как по мелочи играть, так герой, а как ставку крупнее делать - то сразу очко случилось?

- Ну ты нашёл что сравнить - приятное времяпрепровождение на одну ночь и свадьба! - стучу пальцем по виску и зло отпиваю своё уже ставшее тёплым пиво.

Знает же, что человек я азартный и ни за что откажусь лишний раз доказать, что для меня нет ничего невозможного. А уж что касается девчонок...

- И что? Женишься, потом разведёшься. Я тебя жить с ней до старости и детей плодить не заставляю, - вскидывается Пашутин и забрасывает в рот горсть коктейльной смеси. - Но сам факт, что ты можешь не только под юбку залезть, но и на большее развести - это бы впечатлило однозначно.

- Да ну, бред полный. Да и не хочу я жениться, не на ней, не на ком-либо вообще. Лет до тридцати так точно.

- Ну всё как я и думал. Ладно, проехали, - довольно бросает Артём и, интенсивно жуя, демонстративно переключает всё своё внимание на телефон. Накрываю светящийся экран мобильного ладонью и возвращаю внимание себе:

- Что - как и думал? Договаривай.

- Да проехали, говорю.

- Отвечай!

Пашутин вальяжно забрасывает ноги на стол и лениво так:

- Развести на постель любой идиот может, а вот рискнуть на что-то покрупнее кишка тонка.

- А я знаю одного идиота, что и на постель развести не особо-то мастак.

- Подкол засчитан, но речь не обо мне. Не я на каждом углу кричу о своей неоспоримой крутости. А вот ты заявляешь много, а на деле пшик.

Ну это уже удар ниже пояса.

Грубо смахиваю его ноги со стола и зло шиплю в лицо:

- Допустим, я на это соглашусь, но какой мне с этого будет прок? Только чтоб тебе что-то доказать? Нет, неинтересно. Тема спора серьёзная, поэтому и выхлоп должен быть стоящим. Просто, чтоб игралось азартнее.

- Ну давай, если ты проиграешь, то отдаёшь мне свой Бентли, - подхватывает Пашутин.

- Погонять?

- Нафиг он мне погонять. Совсем.

- А если выиграю?

- А если выиграешь, я на тебя хату свою перепишу, что от бабки досталась. Играем по-крупному, - глаза блестят, рожка как у сумасшедшего.

- Ты точно больной, - откидываюсь на спинку дивана и, не видя ничего вокруг, размышляю, стоит ли игра свеч.

С одной стороны хочется доказать, что плевать мне на препятствия и любая цель будет достигнута, да и квартира - куш стоящий, а с другой это не в койку затащить, это свадьба. Да и какая

дура на это вот так просто сходу согласится? Вернее, я бы дуру такую нашёл, выбирай я её сам, но эта Ромашкина...

- По-моему, обмен равноценный, я бы не думал, - подначивает Пашутин, и я поднимаю на него уже полный решимости и немного жалости взгляд:

- Нафига тебе это всё? Ты же без квартиры скоро останешься, придурок. Вот зачем?

Артём неопределённо дёргает плечом и с преувеличенным интересом смотрит на извивающихся на танцполе девиц.

- Да хрен знает. Скучно. Да и уверен я, что её ты не уломаешь.

- Тёма, без обид - но ты сам это предложил, - тяну руку и уже предвкушаю вкус будущей победы: - Выматывайся из моей хаты - я женюсь на Ромашкиной.

Часть 5

День X

Свадьба, называется! Курам на смех!

Всё понимаю - фиктивная, но мог хотя бы явиться вовремя для приличия. Двадцать минут до регистрации, а до ЗАГСа без пробок полчаса. Всё, накрылись мои миллионы, моя встреча с Джоном и счастливая жизнь в Америке. Спасибо тебе, Малиновский!

Ругаюсь под нос, смахивая прилипшие ко лбу пряди.

Договорились же, нет, надо в последний момент всё испортить!

В крошечном клатче жужжит мобильный, и я, достав телефон, отворачиваюсь, лишь бы только не видеть любопытных взглядов кумушек-соседок. Вот позорище-то.

- Женька, а я знаешь, что тут подумала, а может, это всё розыгрыш? - возбуждённо шепчет в трубку Цветкова. - Ну, я о свадьбе вашей, может, она не настоящая?

- Она и так не настоящая и я об этом всегда знала, не неси ерунду!

- Да нет, я к тому, что, может, он подшутил над тобой? Ну, придумал всю эту чушь с наследством и миллионами потехи ради. А сам сейчас стоит где-нибудь, смотрит, как ты в свадебном платье топчешься и угораешь.

Резко оборачиваюсь и зорко осматриваю все близлежащие кусты, окна дома напротив, даже лица соседок подозрительно изучаю.

- Да ну, брось, зачем это ему... - парирую не так уверенно, как хотелось бы.

- Ну не знаю, видео снять и на ютуб отправить.

- Цветкова, блин, ты всё о том случае в школьной раздевалке вспоминаешь? Ну если так когда-то с тобой кучка недалёких придурков поступили, это же не значит, что все... такие... - в узкий поворот со свистом заезжает покоцанное жёлтое такси "Восьмёрочка" и из открытого заднего окна торчит довольная физиономия Малиновского. И рука, сжимающая початую бутылку шампанского. - Явился не запылелся. Я перезвоню, - бросаю телефон в сумочку и, сложив руки на груди, не двигаюсь с места.

Такси визжит шинами и резко тормозит у подъезда. Отсалютировав мне бутылкой, Малиновский расплывается в пьяной улыбке:

- Лапуля, а вот и я, собственной персоной. Ждала меня - и я приехал, - сделав глоток, изумлённо качает головой: - Да ты просто богиня в этом платье.

- Ты где был? У нас регистрация с минуты на минуту!

- Не волнуйся, мой друг Лапкин доставит нас быстрее ветра.

- Я Шапкин, - бурчит с водительского кресла угрюмый мужик, но Малиновский лишь машет рукой:

- Мой друг Лапкин-Шапкин доставит нас в любую точку Москвы за считанные, - и тянет из бумажника пятитысячную купюру, - минуты.

Да он просто в дюпель! Идиота кусок. Послать бы его куда подальше, но три миллиона так органично вписались в мои планы на будущее, что я плюю на гордость и, не дожидаясь, когда он выйдет из машины, иду к ней сама, придерживая рукой подол свадебного платья.

Малиновский давит на ручку двери и выкатывается на улицу: на нём строгие чёрные брюки, криво застёгнутая белая рубашка и, в довершение, как вишенка на торте - на шее болтается развязанный галстук-бабочка.

- Лапу-у-уля, позволь за тобой поухаживать, - Малиновский делает кривой реверанс и оборачивается на ошалевших соседок на лавочке: - Дамы. Чудесный день, не правда ли?

- Прекрати меня позорить! - шиплю одними губами и, отказавшись от помощи, неуклюже забираюсь на заднее сиденье такси. Богдан в недоумении разводит руками и плюхается рядом, обдав меня алкогольным амбре.

- Готова стать моей, женщина?

- А не пошёл бы ты! Эта свадьба войдёт в книгу рекордов как сама короткая свадьба в мире, потому что едва нас распишут, я с тобой разведусь! - отпихиваю его намеревающуюся устроиться на моём плече руку и рычу водиле:

- Ну, и чего мы стоим?!

Пока мы петляем по двору, в поисках выезда на главную дорогу, уговариваю себя не психовать и относиться ко всему проще.

Этот оболтус мне никто - банкомат, который скоро подарит мне кучу денег, на которые я смогу осуществить свою мечту и встретиться, наконец, с самым лучшим мужчиной на земле. Мой Джон. Разумеется, я не посвятила его в сей нелепый фарс: ну зачем ему знать, что совсем скоро я стану законной женой главного красавчик университета и по совместительству внука миллионера?

- Лапуля, хочешь шампанского? - Малиновский тычет мне под нос горлышко с ободранной фольгой, и я вновь отпихиваю его руку. Демонстративно отворачиваюсь и изучаю сквозь пыльное окно однотипные постройки нашего спального района.

Не буду с ним даже говорить! Чести много! Но в противовес себе же не выдерживаю:

- Ты где так надрался?

- Так мальчишник же, традиция.

- Мог бы потом накидаться, развод обмыть. Эти старые гримзы так на нас смотрели, теперь по всему району слух разнесут.

Малиновский снова расплывается в довольной улыбке и, кивая на меня, смотрит в прямоугольник зеркала на водилу:

- Смотри-ка, Лапкин, ещё не поженились, а уже пилит.

- Да нафиг ты мне сдался - пилить, - ловлю на себе угрюмый взгляд Лапкина-Шапкина и добавляю тихо: - Просто ты мне омерзителен!

- Серьёзно? Прямо совсем-совсем противен? - горячая ладонь нагло проходится по оголённому участку спины и я задыхаюсь от возмущения, его вопиющей наглости и злости на саму себя, потому что прикосновение на самом деле совсем не отталкивающее, а скорее даже наоборот...

Стиснув зубы, оборачиваюсь, и не мигая смотрю в покрасневшие, но по-прежнему ясные васильковые глаза будущего временного фиктивного мужа.

- Да, совсем-совсем. Ты невыносимый напыщенный павлин и ты мне ни капли не нравишься, Малиновский. Не старайся, твои дешёвые приёмы со мной не работают.

- А мурашки-то чего побежали? - ухмыляется он, и я интенсивно растираю ладонями покрывшиеся пупырышками предплечья.

- Просто... здесь холодно, - и требовательно: - Будьте так добры, закройте окно!

- Ой, да брось, по глазам всё-ё-ё видно, - шепчет Богдан, выводя указательным пальцем витиеватые узоры на моём плече.

Держусь из последних сил и специально никак не реагирую.

Моих эмоций он не получит! Но не спросить не могу:

- И что же тебе видно?

- Да ты глазами меня раздеваешь, малышка. Но говорю сразу: если передумаешь и захочешь первой брачной ночи - я тебе не дам. Я не такой.

- Губу закатай. У меня вообще-то парень есть.

Водитель бросает на меня осуждающий взгляд через зеркало на лобовом и брезгливо отворачивается.

- Парень? Как интересно. И где же он, твой парень? - Малиновский противно лыбится и изображает пальцами кавычки.

- Он в Америке живёт и я скоро к нему поеду, - говорю об этом с чувством распирающей гордости.

- А, вот зачем тебе в Аризону понадобилось. Ну-ну. А чего же он сам, твой благоверный забугорный мэн, к тебе не прилетит? Видать, не так уж и горит желанием.

- Не твоё дело, я тебе не жена меня допрашивать! - уязвлённая, снова отворачиваюсь к окну и, плотно сжав губы, шумно дышу через нос.

Ещё один дознаватель нашёлся. Цветкова: "а чего Джон сам к тебе не прилетит", теперь вот этот доморощенный знаток человеческих душ. Джон и рад бы приехать, но у него с визой проблемы, только этим вот разве объяснишь? Толку. То же самое, что против ветра плевать.

- Приехали, - оповещает водитель и с большим удовольствием глушит мотор. Видя, как я, корячась в длинном неудобном платье выбираюсь из машины, с укоризной смотрит на качающегося на пятках Малиновского, для верности придерживающегося ладонью за прогретый на майском солнце капот:

- Помог бы жене своей.

- А она мне не жена. Ты же слышал.

- Но будет.

- Мы скоро разведёмся.

- Чёрт-те что, - цедит сквозь зубы Шапкин и резко трогается, обдав моё белоснежное платье сизым выхлопным газом.

Самый. Ужасный. День. В моей жизни. Но тут же вспоминаю про три миллиона, Джона, Америку и понимаю, что должна через это пройти.

- Прошу, - Малиновский подставляет согнутую в локте руку и смахивает кивком головы мешающую чёлку. Клоун! Рубашка из-под ремня брюк вылезла, а на воротнике след алой губной помады... И я сильно сомневаюсь, что она из его косметички.

Боже, какой же он... отвратительный! Бедная его будущая жена.

Связать свою жизнь с этим...

Силой воли (спасибо тренингам с адептами Ошо), цепляюсь-таки за его локоть и, открыв дверь дворца бракосочетания, вместе входим в торжественный прохладный зал.

Вокруг снуёт куча людей: волнующиеся невесты, гладковыбритые женихи, разношерстные гости и мы с Малиновским - два идиота, затеявшие нелепую игру.

- Малиновские! - громко называет фамилию женщина с ужасной химией на голове, и Богдан тянет меня к двойным расписанным вензелями дверям из-за которых слышатся звуки свадебного марша.

- Вот видишь, а говорила - не успеем, - шепчет мне на ухо. - Не волнуйся, детка, я всегда успеваю. Если ты понимаешь о чём я.

- Давайте живее, не задерживайте очередь, - силясь скрыть раздражение пыхтит "химия" и топает к стойке, возле которой мы с минуты на минуту должны будем дать клятву любви и верности.

Шагая словно на автомате, с чего-то вдруг меня охватывает дикое волнение: ладошки становятся влажными и холодными, а сердце стучит так гулко, что, кажется, заполняет своим ритмом весь торжественный зал. А ещё это трогательный Мендельсон...

Кто бы мне сказал раньше, что впервые я услышу его на своей фиктивной свадьбе - я бы рассмеялась этому юмористу в лицо, а теперь иду под руку с парнем, к которому не чувствую ничего, кроме неприязни, и делаю это по доброй воле.

Ни с того ни с сего, словно яркая вспышка из прошлого в памяти возникает образ пёстрой цыганки, что, выцепив нас с Анькой где-то посреди торгового ряда нашего местного рынка, кинулась нам гадать, без всякого на то разрешения.

Не помню, что именно она там вещала, потому что хихикала на ухо Цветковой, но отчётливо всплыла фраза: "а ты, голубка, один раз замужем будешь".

Один раз. Всего один.

Ай, ты ж чёрт! И надо мне было эту глупость именно сейчас вспомнить!

- Ты чего это трясёшься вся? - глупо ухмыляется Малиновский, стоя от меня по правую руку.

- Отвали! - грубо отбрываю и пытаюсь мыслить здраво.

Один раз замужем - это, наверное, она имела в виду один настоящий раз, ведь этот же понарошку. И тут же душу накрывает чёрная туча сомнения: а если этот раз и есть тот самый единственный, а я его так глупо сейчас на этого озабоченного потрачу! Что тогда? Разведусь потом и всё - не видать мне больше мужа? Так и буду мотыляться до самой старости никому не нужной сморщенной калошей?

- Сегодня - самое прекрасное и незабываемое событие в вашей жизни. Создание семьи - это начало доброго союза двух любящих сердец...

Да ну, всё это чушь! Кто вообще сказал, что эта бабка ерунды не нагородила? Всем же известно, что эти цыганки как одна шарлатанки. Ну конечно, нечего даже заморачиваться. Каждый человек сам куёт своё счастье, а моё счастье - Джон. И мы обязательно будем вместе и, конечно же, поженимся! Долой сомнения!

- ...создавая семью, вы добровольно приняли на себя великий долг друг перед другом...

- А можно, пожалуйста, побыстрее вот это вот всё? - перебивает Малиновский, и регистраторша вскидывает на него взгляд полный оправданного недоумения. - Может, перейдём уже к вот этому - согласны ли вы и в горе и в радости? - и тише: - Очень в туалет хочется.

Музыка резко замолкает. Уязвлённая "химия" поджимает тонкие губы и тычет пухлым пальцем в лежащий на стойке документ:

- Вот здесь подписи поставьте.

- Ну что, Ромашкина, согласна разделить со мной все тяготы и лишения? - криво лыбится Малиновский и кивает на розовое свидетельство о бракосочетании.

Настоящее свидетельство. Что я творю...

- Давай уже ручку сюда, - грубо выдёргиваю из его пальцев авторучку с серебристым пером на колпачке и, не давая себе ни малейшего шанса передумать, ставлю напротив своего имени кривую закорючку.

- Зря, в быту я такой самодур, - гыкает Богдан и я со злостью впихиваю ручку в его ладонь.

- Расписывайся и закончим уже, - ворчу и складываю на груди руки, всем видом транслируя, что я как бы даже не с ним.

Малиновский нарочито медленно выводит свою фамилию и над "и кратким" вместо чёрточки рисует крошечную ромашку.

И вот за что мне это наказание?

- Поздравляю, теперь вы муж и жена, - сухо ставит нас перед фактом регистратор и нетерпеливо смотрит на часы: - А теперь попрошу освободить помещение, после вас ещё шесть пар.

- А кольца? - хмурится Малиновский и извлекает из кармана брюк тонкий золотой ободок без всякой коробки. - Твоё где?

Рывком раскрываю сумочку и достаю изящный перстень с небольшим бриллиантом. Без всяких церемоний надеваю на средний палец и тычу им в лицо теперь уже законного мужа.

- А почему не безымянный?

- Великó, - бурчу в ответ и единственное о чём мечтаю, это поскорее покинуть этот театр абсурда, забрать свои деньги и уехать, наконец-то, домой.

Малиновский надевает своё кольцо и тут же фоткает растопыренную пятерню на мобильный. Презрительно кошусь и фыркаю:

- Это ещё зачем?

- Для истории. В соцсеть выложу.

Откуда ни возьмись перед нами выскакивает бородатый мужичок с плешивой макушкой и командует:

- Молодая, возьмите мужа под руку.

- Зачем ты заказал фотографии? - шиплю Малиновскому на ухо и больно стискиваю его локоть.

- Я ничего не заказывал, - говорит он вполне искренне и рисует на лице идиотскую улыбку а-ля Джим Керри. Пародируя его тоже скалюсь и в этот момент нас ослепляет вспышка.

Часть 6

Выйдя, наконец, из ЗАГСа в душный московский полдень, с огромным удовольствием стягиваю с головы фату.

Получилось это не сразу: Анька полчаса прищипливала её сегодня утром невидимками и подошла к заданию чересчур ответственно. Впрочем, Цветкова подходила так ко всему, не важно - сложный ли это экзамен по морфологии или выбор зубочисток. Она любовно лепила на мои волосы заколки и приговаривала, что я самая красивая невеста на свете, при этом едва не пуская слезу умиления. Я же смотрела на это всё с прагматичной холодностью и видела себя как бы со стороны. Да, платье, да свадьба, но это всё ради Джона. Ради денег.

- Где мои деньги? - оборачиваюсь на Малиновского: тот, стянув пиджак и небрежно перекинув через плечо, восседает на скамейке под кроной распустившегося клёна с торца здания ЗАГСа. Вытянув длинные ноги в модных зауженных брюках, с наслаждением затягивается вэйпом и, кажется, испытывает при этом полный дзен: веки опущены, на губах играет полуулыбка...

- Малиновский! - щёлкаю у его лица пальцами и тот, словно потревоженный котяра, лениво приоткрывает один глаз:

- Так пить хочется. Сюда бы бутылку ледяной минералки.

- Не прикидывайся глухим. Деньги мои давай. Я свою часть плана выполнила.

- ...или пива холодного, чешского, - как ни в чём не бывало продолжает он, и я уже откровенно психую:

- Ты попросил об услуге, я любезно согласилась и требую заслуженное обещанное вознаграждение! Так где оно?

- То есть, без денег ты бы за меня не вышла?

- Конечно, нет! - ужасаюсь и опускаюсь на скамейку рядом. - Богдан, ну правда, я тороплюсь. У меня ещё пара у Веника после двух.

- Красивое у меня имя, правда? Бог-дан, то есть Богом дан.

- Если ты сейчас же не отдашь мне мои три миллиона, я скажу тебе без цензуры кем ты дан и куда потом пойдёшь. И проверь, это будет далеко не райский сад.

Смотрю на его расслабленную позу, идиотскую улыбку и испытываю злость вкупе со страхом. А если Цветкова права и это какая-то шутка? Никаких денег нет, а штампом он завербовал меня в свои вечные должницы, и уже я буду обязана отдать ему три миллиона, чтобы от этого штампа избавиться... Я же его совсем не знаю, а то, что мне о нём известно, сильно далеко от образа добропорядочного гражданина.

Ну и что, что мы учимся в одном университете - это уж точно не гарант того, что он не решил меня облапошить. Он всегда может сказать, что я пошла за него по доброй воле и ему все поверят, потому что только идиотка выйдет замуж без желания.

- Где. Мои. Деньги. - Чеканя каждое слово не отрываясь смотрю на его дзен-лицо и даже через раздражение, злость, усталость и подозрительный страх не могу не отметить, что он симпатичный. Даже, наверное, красивый. Чистые голубые глаза с тёмной радужкой, правильной формы нос, чёткие скулы и волевой подбородок, покрывшийся густой двухдневной щетиной.

Малиновский выдохнул облако пара и, кинув вэйп в нагрудный карман рубашки, повернул голову на меня.

- Да расслабься уже ты, лапуль, никуда от тебя твои деньги не убегут, - миролюбиво тянет он и обнажает ровные зубы в подкупающей улыбке. - Думаешь, я кинуть тебя хочу?

- Нет, но, мало ли...

- Поверь, я жениться хотел не больше твоего, и, прости, тем более на тебе. Без обид. Ты немного, как бы это сказать, не в моём вкусе.

Ощувив себя на удивление глубоко уязвлённой, горделиво задираю подбородок:

- А чего так? Я, да будет тебе известно, моделью могла стать, по всем параметрам идеально подходила.

- Так я и не про внешность говорю.

- Ой, да брось! Только не надо мне тут сейчас лапшу на уши вешать, что ты относишься к той категории парней, для которых важно внутренне наполнение девушки. А если и так, то чем тебе мои внутренности не угодили?

- Пф, скажешь тоже, на это мне вообще пофигу, - Малиновский складывает брови домиком и отбрасывает пятернёй мешающуюся чёлку. - Ты симпотная, но, согласишься, ты странная.

- Это я-то странная? - вспыхнула, аж на месте подпрыгнула.

- Ну да. Идеальная, правильная вся. Наверное, трамвая ждёшь?

- Какого ещё трамвая?

- Ну вот, и с чувством юмора напряг. Не, извини, лапуль, но не для тебя мама ягодку растила.

- Да пошёл ты, ягодка! Давай сюда мои деньги, а завтра - развод, и женись потом на ком захочешь! - психанув, швыряю букет в урну, следом летит ни в чём неповинная фата.

- Да не злись ты! Мы же с тобой партнёры, а не любовники, так что честность должна быть на первом месте, как в бизнесе. А раз так, то говорю как есть: развода ты в ближайшее время не получишь. Впрочем, денег тоже.

Нисколько не заботясь о том, как я сейчас выгляжу, в ужасе вылупляю глаза на Малиновского.

- То есть... То есть как это - не получу?

- Извини, совсем из головы вылетело раньше упомянуть - таково условие завещания. Чтобы вступить в права наследования, в браке я должен быть минимум тридцать дней. Так что, малышка, настраивайся на медовый месяц.

- К-какой ещё медовый месяц? - раскрываю глаза ещё шире и тут меня как будто бы озаряет: - А-а, я поняла, это типа шутка такая? - смотрю на его невозмутимое лицо и чувствую, как моё искажается в мимике неподдельного отчаяния. - Ну как же так? Мы же с тобой договаривались: мы женимся, ты отдаёшь мне деньги, потом мы разводимся...

- Да-да, всё верно, но, заметь - я не уточнял, когда именно отдам тебе деньги и когда мы подадим на развод. Если что - прав я, по закону.

- Но...

- А училась бы на юридическом, знала бы, - довольно добавляет Богдан и снова тянется в карман за вэйпом, но я, словно разъярённая кобра перехватываю его руку и шиплю в лицо:

- Не смей шутить со мной, Малиновский! Может, я и не сильна в законах, но мой отец даже разбираться не станет - придет и такое тебе устроит! Не было уговора о месяце, не было!

- Соррян, лапуль, это не я - это завещание. Когда постареешь и пойдёшь туда же, - кивает наверх, - найди моего дедулю и сделай ему подножку.

- Но почему ты мне сразу об этом не сказал? Это же всё меняет! Если бы я знала, что мне придётся быть твоей женой целый месяц, пусть даже фиктивной - я бы не пошла на это даже за десять, да даже за сто миллионов!

- Ой, а у кого-то нос растёт, - Малиновский щёлкает меня по кончику носа и подмигивает.

- С чего бы это? Может, потому что кто-то маленький лгунишка?

- Иди в задницу! - зачем-то трогаю свой нос и с достоинством выпрямляю спину. - Хорошо, я хожу месяц со штампом, потом мы разводимся и тогда, надеюсь, я получу, наконец, свои деньги?

- Безусловно!

- Три миллиона?

- До копейки!

Заметно расслабляюсь и решаю, что за три миллиона тридцать дней можно и потерпеть. Некоторые всю жизнь пашут и столько не зарабатывают. В конце концов, ну что мне этот штамп? Его всё равно никто не видит. А потом, после развода, можно вообще сделать вид, что паспорт потеряла и мне выдадут новый, без этой позорящей моё достоинство грязи.

Идти на пару к Венику и так не хотелось, а теперь не хочется ещё больше. Мелькает мысль взять бутылочку шампанского и отметить моё непыльное превращение в миллионершу напару с Цветковой. Правда, до регистрации я думала, что бутылочка будет дороже, но сейчас и обычное Советское покатит. По крайней мере оно мне по карману.

Открыв сумочку, достаю телефон и, оживив экран, бегло листаю список контактов.

- Что это ты делаешь? - кивает на мой выдавшей виды смартфон Малиновский.

- Такси хочу вызвать.

- Зачем это?

- Домой поеду. Плохо представляю, как в этом, - кошусь на платье,

- можно спуститься в метро.

- Так, кажется, пришло время для ещё одной новости...

Застыв, медленно поворачиваю на него голову, ожидая какой-нибудь очередной подлянки.

- Продолжа-ай.

- В завещании дедушки сказано, что жить этот месяц мы должны вместе, на одной территории - это одно из самых важных условий. Извиняй, малыш, - Малиновский разводит руками, а я, издав нервный смешок, вмиг становлюсь серьёзной.

- Нет!

- Да.

- Нет!!! - вкладывая в это короткое слово всю ярость, нажимаю на каждую букву, дабы придать отрицанию вес.

- Я понимаю и даже разделяю твой гнев, но таково условие. Я же говорил, что мой дед был человеком со странным чувством юмора.

- Извини, но я тебе сейчас врежу. Ты же сам сказал, что я неадекватная.

- Я сказал, что ты странная.

- А странный неадекват может и дважды ударить. Глазом не моргнёт, - шифрую панический страх как умею, но чувствую, что вот- вот сорвусь.

Нет, это безумие какое-то, такого просто не может быть! Жить вместе месяц? Месяц бок о бок с ним? Ни за что! Никогда!

Решительно хватаю его за руку и тяну с лавки.

- Что это ты задумала? - Малиновский лениво поднимается со скамейки и щурится от не по-весеннему знойного солнца. - Куда теперь собралась?

- Обратно. В ЗАГС. Будем разводиться.

- Это невозможно, - вяло перебирая ногами, излишне спокойно парирует Богдан.

- Невозможно жить целый месяц с тобой, а всё остальное ещё как возможно. Короче, я аннулирую наш договор и твои деньги мне сто лет не нужны.

- Ой, нос снова растёт.

Резко торможу и тычу указательным пальцем ему в грудь:

- Прекрати паясничать, прекрати обсмеивать каждое моё слово, прекрати вести себя как идиот! Я не буду жить с тобой - точка. Да меня бесит, что мы в одном городе живём, а ты говоришь об одной квартире! Нет, нет и ещё раз нет!

Он мягко перехватывает мою ладонь и как-то излишне нежно прижимает замок наших сплетённых рук к своей белоснежной рубашке.

- Не ври себе, Ромашкина, тебе нужны эти деньги. Очень нужны. Позарез. А как же американская мечта? Твой парень, Джон Доу*, он же ждёт тебя.

- Откуда ты... С чего ты взял, что его зовут Джон? - изумляюсь, но он продолжает свой медовый монолог:

- Всего лишь месяц, тридцать дней, не так уж и много за столь щедрую сумму, согласишься? К счастью для тебя, мой дедушка не был извращенцем и в его завещании ничего не сказано о том, что мы должны спать вместе. Нет, если ты захочешь, конечно, и сильно постарайся...

- Ты мне отвратителен, Малиновский. Однажды на речке мне к ноге присосалась скользкая, мерзкая извивающаяся пиявка, и то она не была мне отвратительна настолько, на сколько отвратителен сейчас ты.

Малиновский очень высокий, но и я не маленького роста - мы стоим друг напротив друга и смотрим в глаза, только в моих, в отличие от его, плещется искренняя ярость. А что в его глазах? Искры смеха. Ему весело.

А ещё меня обескураживает, злит, расстраивает то, что он безошибочно знает, на что давить. Он знает, как мне нужны эти деньги и знает, что как бы я не кичилась и не грозилась сжечь напалмом наше свидетельство о браке, я всё равно этого не сделаю и пойду на любые его условия.

Мне нужны эти три миллиона, ради нашей с Джоном любви! Ради моего будущего. Нужны!

Дабы не продлевать агонию, вытаскиваю ладонь из его руки и побеждённо выдыхаю:

- Присылай такси к семи вечера. Мне вещи нужно собрать.

**Джон Доу - термин, использующийся в ситуации, когда личность человека неизвестна или намеренно анонимна. Как, например, у нас Иванов Иван Иванович*

Часть 7

Открываю дверь своим ключом, устало захожу в квартиру и сбрасываю, наконец, надоевшие каблуки. Шаркая по полу подолом свадебного платья, прохожу в единственную комнату, которая заменяет нам с Цветковой и гостиную, и спальню, и столовую.

- Поздравляю-ю-ю! - выкрикивает Анька и щёлкает хлопушкой: мою голову, ковёр и край журнального столика, заставленного мисками с салатами, покрывает разноцветное конфетти.

- Ого, мы что-то празднуем? - киваю на оливье и любимую селёдку под шубой. Даже "Советское" тут как тут. Зрит в корень Цветкова.

- Ну я просто подумала, что свадьба хоть не настоящая, но всё-таки свадьба... - Анька заводит выпавшую прядь за ухо и скромно тупит глаза в ковёр. Замечаю, что ради этого знаменательного события она даже ресницы подкрасила. - Ну как оно? - оживляется. - Штамп в паспорт поставили? Покажи-и!

- Давай потом, я что-то так устала, - тянусь взять бутерброд со шпротиной и получаю увесистый шлепок.

- Куда! А руки с улицы помыть? Знаешь, сколько дряни на одной только дверной ручке обитает?

- Ань, пожалуйста, я правда дико, дичайше устала, - накалываю бутерброд на вилку и откусываю почти половину.

- А отчего это ты устала? Ты же не огород полола, а замуж выходила.

- Лучше б я огород полола.

Говорю вполне честно и аппетит мигом испаряется, даже жуётся через великую силу. И надо же было так глупо попасть! Проглатываю ставший колом в горле кусок и тяжело поднимаюсь:

- Помоги платье расстегнуть.

- И куда его теперь деть? Красивое такое. За Джона своего ты в нём вряд ли теперь замуж пойдёшь, может, постирать и на Авито продать? Ну а что, всё деньги, - размышляет Цветкова, расшнуровывая тугой корсет. - Платье дорогое, глянь, ткань какая хорошая. Не поскупился Малиновский. Кста-ати! - заглядывает в лицо, вынырнув каким-то непостижимым образом из-за моей подмышки. - Где деньги? Ты их что, вот так просто средь бела дня по Москве в сумочке везла?

- Нет денег, Ань. Не-ту.

- Как нет?! - восклицает Цветкова и, едва не споткнувшись о подол, выбегает из-за спины.

- Он что, обманул тебя?! Кинул? Я так и знала! Знала! Проклятый паршивец! Вот говорила же, пятой точкой чую, а ты высмеивала. Ну ничего, Женька, ничего, мы придумаем, как честно заработанное из него вытрясти, - глядя меня по голове причитает Цветкова. - Обязательно придумаем. Я на адвокатский форум зайду, с ребятами из юрфака пообщаюсь.

- Ань, а где сумка твоя огромная в клетку? - всё-таки запикиваю остатки бутерброда в рот и смотрю по сторонам, в поисках крепкого китайского баула.

- Жень, ну ты чего сразу в крайности?! Ты это брось! Бежать - вариант самый безнадёжный, к тому же доучиться осталось всего ничего. Понимаю - настроение поганое, но, прости, я тебя предупреждала, что что-то здесь точно не чисто. А ты? А ты и слушать меня не захотела!

- Отставить панику, Цветкова, я же не домой в Иваново собралась.

- А куда?

- К Малиновскому переезжаю, - на удивление спокойно констатирую факт и радостно восклицаю: - О, а вон и она!

Анька медленно оседает на диван, недоумённо наблюдая, как я, опустившись на колени, тяну из-за под шифоньера сложенную вчетверо сумку.

- Помоги, застряла, - зову, пытаюсь изо всех сил выудить злосчастный кусок полипропилена. Практически растёгнутое платье сползло, оголяя простой хлопковой бюстгальтер без лямок. - Ну, ты чего там зависла? Иди помогай, на меня шкаф сейчас рухнет. Не к мужу любимому тогда поеду, а в травмпункт. Или ещё чего похуже. Тьфу-тьфу.

- Ты что, серьёзно это - к Малиновскому? Но зачем? Он же тебя на деньги кинул! Или не кинул?.. Что вообще происходит? Зачем к нему?

- не двигаясь с места ошарашенно вещает Цветкова и я, вытянув-таки сумку, сажусь на пол и принимаюсь на ощупь вытягивать из волос оставшиеся невидимки.

- Оказалось, не всё так просто в датском королевстве: по условию завещания он должен быть в браке минимум один месяц. И не просто быть в браке - жить с женой на одной территории. Чушь какая-то, да? Ну кто в здравом уме такое придумает. Хотя... может дедуля его с головой не особо дружил, я как поняла, у них вся семейка с приветом.

- То есть, ты с самого начала об этом знала, но всё равно согласилась?

- Конечно, нет. Мистер "неотразимость" решил, что деталь эта малозначительная и "забыл" поставить меня перед фактом. Я ему там такое возле ЗАГСа устроила! Ты бы слышала.

- Но в итоге всё равно переезжаешь, - с укоризной констатирует Анька, и сквозь стёкла её окуляров я безошибочно рассматриваю осуждение.

- Я просто хочу получить свои, как ты сама выразилась - честно заработанные деньги, разве это плохо? Неужели ты не понимаешь, что миллионы Малиновского это мой единственный шанс увидеть, наконец, Джона? Разумеется, я тоже не в восторге от этого всего, но идти на попятную после того как самый главный шаг уже сделан? Ну уж нет! - за тирадой совсем не замечаю, как скисла подруга. - Ань, ты чего? Ты расстроилась, что ли? - придерживая на груди спадающее платье взволнованно ковыляю к Цветковой и притуляюсь рядышком на диване. - Э, ну ты чего? Месяц всего, он быстро пролетит, оглянутся не успеешь.

- Ага, за месяц он тебя соблазнит - уезжать не захочешь, а я тут одна совсем останусь, - всхлипывает Цветкова и, приподняв очки, утирает указательным пальцем набежавшую слезинку.

- Меня? Малиновский? Соблазнит? Ну знаешь, это даже обидно! Я что, по-твоему, совсем дурочка безвольная? У меня Джон есть и у меня к нему чувства. А Малиновский, он для меня как ну как жук навозный. Даже хуже жука. Да даже хуже таракана на хлебнице.

- Ну вообще, Женя, он парень красивый и на уши присесть может...

- Но только не мне. У нас с ним чисто деловое соглашение, выгодное обоим. Да и, поверь, я ему тоже не больно сдалась, он сам сказал, что я того, - кручу пальцем у виска, - идейная. Не в его вкусе, короче. Так что не переживай, Цветкова, честь он мою не запятнает.

Как-нибудь перекантуемся месяц, а потом на вольные хлеба. Он с наследством, я с миллионами.

- Ну не зна-аю, всё равно мне это ужас как не по душе, - Анька берёт вилку и вяло ковыряет оливье. - А если мамка твоя на городской позвонит и тебя позовёт? Что я ей скажу?

- Не высасывай из пальца, мы этим телефоном раза три от силы за пять лет пользовались.

- А что в универе говорить будем?

- Но-но-но! В универе - ни слова! Никто ничего знать не должен. Для всех мы с ним по-прежнему друг для друга абсолютно чужие, не связанные никакими штампами люди. Поняла? Ни единого слова!

- Да поняла я, - уныло соглашается Цветкова. - Надеюсь, ты тоже понимаешь, что делаешь.

- Честно - не совсем, но точно понимаю ради чего я это делаю - ради нашего светлого будущего с Джоном. И чтобы осуществить свою мечту я готова пойти на многое.

Часть 8

Ровно в семь вечера к подъезду подъехало такси. Я, таща за собой клетчатый баул с тряпками, под всхлипывания Цветковой покинула нашу съёмную однушку и сделала шаг в неизвестность.

Как бы я не пыталась хорохориться перед Анькой, разыгрывая из себя смелую Лару Крофт, которой любое задание по плечу, внутренне я паниковала. И чем ближе вишнёвая Приора была к месту назначения, тем сильнее росла паника.

Как мы будем жить бок о бок с Малиновским? Чем мы будем заниматься, допустим, тоскливыми дождливыми вечерами?

Месяц - срок не большой, но и не такой уж и маленький. Как-то пару лет назад я успела всего лишь в течении тридцати дней съездить на море, побывать на свадьбе двоюродной сестры, полежать в больнице с острым бронхитом и посетить легендарный цирк Дю Солей. Один месяц и столько событий.

Что это вообще такое - соседствовать с парнем? Это же... парень! Ужасные манеры, пошлые шутки, перегар и эта его дурацкая электронная сигарета...

Где будет в доме Малиновского моя комната и смогу ли я беспрепятственно общаться по скайпу с Джоном? А если мама попросит видео связь, как я объясню ей, куда делись обои в цветочек и заставленная книгами Аньки полка? Сильно сомневаюсь, что Малиновский умеет читать и вообще знает, для чего нужны книги.

- Рубиновая семья, - оповещает таксист и глушит мотор возле высокого забора из красного кирпича. - Здесь?

- Наверное, - жму плечами, но, заметив потом в прорези между коваными прутьями Бентли Малиновского, понимаю, что адресом мы не ошиблись.

Водитель любезно вытягивает из багажника мою сумку и, плюхнув ту на пыльную тропинку, уезжает, оставив меня совершенно одну.

Вдоль главной дороги тянется длинный забор, за которым торчат треугольные крыши однотипных таунхаусов. Я не знаю, как живут внуки миллионеров - видела только на фото в интернете и по телевизору, но это место произвело на меня неизгладимое впечатление. Красиво, чисто, свежий воздух. Уж точно не сравнить с нашими Печатниками.

- Привет, - у ворот откуда ни возьмись нарисовалась красивая блондинка в обтягивающих скинни, держа на руках тощего дрожащего той-терьера. Стрельнув взглядом по моему прикиду, и особенно по клетчатой сумке, девица извлекла из кармана ключ. - А ты к кому?

- К Малиновскому. Бо...Богдану, - получилось жалко, но я действительно растерялась.

- А, понятно, - безразлично тянет она и, прислонив ключ к таблетке современного домофона, кивает внутрь огороженного двора. - Ну пойдём.

Подхватываю за ручки тяжеленную сумку и протискиваюсь следом, чувствуя себя ужасно неловко.

Поступь незнакомки лёгкая, буквально летящая, белоснежные кроссовки искрятся на вечернем солнце, как и завязанные в высокий хвост выбеленные волосы.

- Это из новой коллекции Луи? - обернулась она, и я вспыхнула:

- Что?

- Сумка.

- А, это... ну да, - согласно киваю, и в глазах мисс совершенство появляется к моей персоне что-то похожее на интерес.

- Я вон в том коттедже живу, заходи, поболтаем. Пока, - опустив на мягкий газон сопротивляющуюся собачку, соседка манерно идёт по выложенной гравием тропинке.

В этот момент я как никогда ощущаю острую нехватку Цветковой.

И как я тут буду без неё в обществе этих рафинированных снобов?

С каждой минутой затея нравится мне всё меньше и меньше, но три миллиона, от которых меня отделяют какие-то несчастные тридцать дней, не позволяют сдаться и опустить руки.

Да и к тому же штамп уже стоит, поздно раскаиваться в содеянном, остаётся только стойко пожинать плоды совершенной авантюры.

Дотащив свою "Луи" ивановского разлива до коттеджа Малиновского, уверенно давлую на дверной звонок и жду хоть каких-то признаков жизни. Блондинка так же стоит у двери, но через два дома, и смотрит на меня с нескрываемым любопытством.

Наконец-то щёлкает замок и в проёме нарисовывается сонный Малиновский. Хмуро щурясь, убирает с лица взлохмаченную чёлку и обнимает предплечья руками, словно ёжась от холода.

- А что, уже семь, что ли?

- Комнату мою показывай, - опустив приветствие, бесперемонно толкаю его плечом и смело шагаю внутрь дома.

- Офигеть, только ведь лёг, - он шумно зевает и захлопывает дверь ногой. Только сейчас я замечаю, что он без футболки, а серые тренировочные штаны низко болтаются на бёдрах. На плече какая-то закорючка-татуировка, рельефная грудь блестит - ни единого волоска.

Фу, неужели восковая эпиляция?

- Это, у меня тут слегка не прибрано...

- Я вижу, - бегло осматриваю убранство гостиной: белый кожаный диван, хром, яркие репродукции на стенах. На низком журнальном столике пустая бутылка, рассыпанная соль и засохшие корки лайма. На каминной полке серебрится слой пыли.

- К нам по вторникам и субботам приходит уборщица, сегодня четверг, так что не стесняйся, кладовка со швабрами и прочей мутью на втором этаже, - он чешет затылок и глупо улыбается.

- Ты предлагаешь мне это всё убрать?

- Если хочешь, я тебе помогу.

- Ты мне поможешь? - ужасаюсь от его наглости. - Извини, но я горничной к тебе не нанималась. Так где комната моя?

- Там, - кивает он вверх и плетётся по винтовой лестнице, заставляя меня тащиться следом. - Клёвая сумка.

- Это Луи.

- Я так и понял, - подойдя к распахнутой двери, он в приглашающем жесте вытягивает обе руки: - Прошу. Велком ту ми хаус.

Шагаю внутрь залитой солнечным светом спальни и первое, что вижу, это огромная - просто гигантская кровать застеленная белоснежным постельным бельём. Одна подушка валяется на полу, край другой торчит из-под перекрученного одеяла. На мягком кресле-груше валяются брюки и вывернутый наизнанку пиджак. На стене электрогитара, на подоконнике большой кальян.

- Ты хочешь сказать, что это...

- Ага, это моя комната, - он снова глупо улыбается и опускается на край кровати. - Ну а как ты хотела, лапуль, - мы же теперь муж и жена.

- Малиновский, это не смешно! - я очень надеюсь, что нотки паники в моём голосе отлично перекрывает бурлящая ярость. - В нашем уговоре не было пункта о том, что нам придётся делить одну постель.

- Я знал, что ты заартачишься, поэтому на кровати будет спать кто-то один.

- А где будешь спать ты?

- Вообще-то, я имел в виду, что здесь буду спать я. А ты, - красноречиво указывает движением бровей на крошечную софу. - Или если хочешь... - переводит взгляд на постель. - Но учти - мои руки живут во сне своей жизнью, я за них не отвечаю. И не только руки, кстати...

- Даже не мечтай! - издаю выдающий с потрохами нервный смешок и резко расстёгиваю молнию сумки. - Ты втянул меня в это и теперь будь добр предоставить комфортные условия, - вытаскиваю любимый розовый плед, плюшевого медведя Бетховена. - У тебя такой большой дом, неужели в нём нет лишней комнаты? Зачем тесниться в одной и раздражать друг друга?

- У меня? Извини, но миллионер мой дед, а не я. Это не мой дом.

- А чей? - зависаю со стопкой полотенец в руках.

- Моих родителей, конечно. И не такой он уж и большой.

- Хочешь сказать, что живёшь с родителями? Чёрт, Малиновский, во что ты меня втянул?

Как я объясню им, кто я такая? Где они сейчас?

- понижаю тон и начинаю судорожно заталкивать вещи обратно.

- Отец в командировке, мать... отдыхает за границей. Да расслабься ты, я сам им всё объясню.

- И что ты им скажешь?

- Я разберусь, не переживай.

- Ты идиот, ты знаешь это? Я о подобном подумать даже не могла! Ну вот как так? Родители за стенкой, одна комната на двоих... Какие ещё сюрпризы меня ожидают? Может, в завещании мелким шрифтом скоро обнаружится, что жена должна тебе ежедневно мыть ноги и называть Господин?

- Было бы неплохо, но не стоит драматизировать. Поверь, на твоём месте хотели бы оказаться многие, - отмечает Малиновский и вальяжно разваливается на кровати. Заложив руки за голову, снова широко зеваёт. - Не против, если я ещё немного вздремну? Две ночи не спал. А ты не стесняйся, софа в полном твоём распоряжении.

- Как бы не так! - не знаю, откуда у меня вдруг берётся смелость, но я цепко хватаю его за голую ступню и что есть силы тащу на пол. Он громко ржёт и не особо сопротивляется, а рухнув-таки на пол, так и остаётся лежать у моих ног - в расслабленной прозе с руками за головой.

- Ты погляди-ка, я женился на прожжённой стерве.

- Тебя за язык никто не тянул меня в жёны звать. Мог бы выбрать любую, но раз позвал меня - терпи. А лучше сразу отселись в другую комнату, во избежание ненужных ссор. А они будут - уверяю, - рывком стаскиваю с постели простынь и приступаю к освобождению подушек от чужих наволочек.

Возможно, чуть позже, я осознаю масштаб бедствия в полной мере, но сейчас внутри меня кипит нешуточный адреналин.

Малиновский поднимается с пола и я замечаю, что его штаны сползли ещё ниже, обнажив полоску обнажённой кожи, там, где у нормальных людей начинается резинка трусов.

Прикрыв ладонью глаза, отворачиваюсь:

- Ты что, не носишь нижнее бельё?

- А ты носишь? Нафталиновое прошлое. Дико старомодно. Скажи ещё, что спишь в пижамке.

- Да, я сплю в пижамке. В отличие от тебя я нормальная!

- То есть, ты делишь людей на нормальных и нет опираясь на то, в чём они спят? Не логичнее было бы тогда делать выводы по тому, с кем они это делают?

- Малиновский, пожалуйста, отстань от меня.

Этот разговор только начался, но уже начал меня порядком напрягать. Вообще всё, что касается тем ниже пояса неизменно вгоняет меня в краску. Когда Джон просит прислать фотографию в белье или наговорить на камеру какие-нибудь шаловливые глупости, я сразу же теря-

юсь как малолетка, начинаю блять какую-то ерунду и вообще вести себя словно неуравновешенная неврастеничка.

Нет, я молодая и современная, и совсем не ханжа. И в потайной папке в соцсети у меня припрятана коллекция фотографий для взрослых, но почему-то раскованная я только в мыслях, на практике же пока что полный швах. Ужасно боюсь, что Джон решит, что я ледышка и прекратит со мной общаться, наверное, именно поэтому я хочу побыстрее прилететь к нему в Аризону и доказать обратное.

Я смогу! Да раз плюнуть! Да точно смогу! Наверное...

Незаметно кошу глаза к балконной двери: Малиновский, стоя ко мне полубоком, запрокинув голову с упоением поглощает минералку. Штаны подтянуть он так и не потрудился, и я замечаю у него на поясище две ямочки.

Наверное, я рассматриваю их слишком долго и слишком открыто, потому что поставив бутылку на комод он вытирает губы тыльной стороной ладони и подмигивает:

- Сварю нам кофе, лапуль. Надеюсь, ты, так же как и я, любишь погорячее.

Часть 9

Спускаюсь на кухню и, отыскав в ящике стола зёрна арабики, щедро сыплю те в кофемолку. Мне нужно проснуться и взбодриться, а лучше наоборот, уснуть обратно, а потом, очнувшись, понять, что вот это всё: спор, наследство, свадьба мне просто пришли в несурразном кошмаре.

Ромашкина! Девочка с плюшевым мишкой, краснеющая при одном лишь упоминании слова секс. Что она делает здесь, в этом доме?

Что она, блин, делает в моём паспорте?

Почему-то именно сейчас, не в ЗАГСе, именно сейчас до меня доходит вся абсурдность ситуации. Жениться на спор? Серьёзно? Где были мои мозги! Каким образом Пашутину удалось развести меня на эту ахиною?

Марафон от момента спора до того, как я отравил её с ЗАГСа на такси домой собирать вещи, казался каким-то наполненным адреналином квестом. Шутер, где есть я, есть цель и всего одна жизнь, чтобы до этой цели добраться.

Подогреваемый желанием доказать себе и Пашутину, что круче меня разве что Конан Макгрегор, я запросто уломал Ромашкину выйти за меня, насулив той баснословных денег, играючи поставил подпись в свидетельстве о бракосочетании и с лёгкостью предложил перебраться на месяц в мой дом, совершенно не думая, что потом придётся пожинать плоды своего азарта. А теперь мы здесь, вдвоём. Целый месяц с Ромашкиной...

Самый тупой поступок в моей жизни.

Скоро из командировки вернётся отец и придётся как-то ему всё это объяснять. И, самое главное, как вытерпеть её? Была бы на её месте какая-нибудь другая, то я нашёл бы нашёл на что с пользой убить время, но Ромашкина...

По мере того, как закипал кофе, внутри меня так же кипело негодование: на Пашутина, что как змей-искуситель подбил меня на эту фигню, на сотрудницу ЗАГСа, что допустила этот вопиющий беспредел, на самого себя, что словно прыщавый юниор повёлся на тупой развод.

Единственное, что грело - это сулящая в перспективе квартира бабки Пашутина, что в случае выигрыша достанется мне. За язык его никто не тянул - сам предложил бартер Бентли на метры, а так как я не знаю, что такое проигрыш, двушка на Вяземской будет моей. Месяц - значит месяц.

Где-то в гостиной запиликал мобильный. Следуя зову стандартной яблочной трели нахожу телефон между диванными подушками.

- Ну как ты, бро? Жив? - бодрый голос Пашутина заставил поникнуть ещё больше.

- Как видишь, и даже здоров.

- Чем занят?

- Развлекаюсь с молодой женой. В трубке повисла тишина.

- Серьёзно? Хочешь сказать, что всё-таки женился? - отмер Пашутин и, судя по тону, верилось ему в это с трудом.

- Зря я, что ли, спустил столько на мальчишник? Могу прислать фото свидетельства о браке.

- И она согласилась к тебе переехать на месяц? Да ты гонишь!

- Расставляет сейчас по нашему гнёздышку свои безделушки.

- Ушам не верю. Ромашкина на это пошла? Это точно та самая Ромашкина? Чего ты ей пообещал? Билет в Дисней Ленд? Автограф Джастина Бибера? Оживить радужного пони?

- Какая разница. Первая часть спора выполнена и если тебе до сих пор этого мало и ты настаиваешь, что мы обязаны прожить вместе месяц - так тому и быть, - вкладываю в слова как можно больше пофигизма, мысленно посылая Артёма к чёрту.

- Конечно, настаиваю! В конце концов, женить на себе кого-то не так сложно, а вот прожить бок о бок вместе - это нужно ещё постараться. Кстати, тащить в постель её совсем не обязательно.

- Спасибо за подсказку, но тут я уже как-нибудь сам решу, что мне делать со своей женой. В конце концов, можно же совместить приятное с полезным.

- Ромашкина тебе точно не даст, - уверенно, даже как-то зло отрезает Пашутин.

- Хочешь и на это поспорить?

- Нет, - поспешно отвечает тот, - хватит с бедняжки и того, что будет вынуждена терпеть целый месяц твои закидоны.

Кто ещё чьи будет терпеть! Кофеварка пикнула, оповещая, что порция бодрости готова.

- Приезжай сегодня в "Бильбо", паспорт не забудь! И да, будь там поаккуратнее с моей тачкой. Уверен, что фиктивная жена не выдержит и пары дней.

- А я советую тебе сделать в квартире ремонт. Я предпочитаю лофт. И не надейся - этот брак будет крепче стали. Месяц так точно, - сбрасываю вызов и нервно швыряю телефон обратно на диван.

Удивительно, на сегодняшний день выигрываю я, но почему-то настойчиво кажется, что победу одерживает Пашутин.

Часть 10

- Женька, ну наконец-то! - Цветкова бросается ко мне в объятия и зажимает на ступеньках универа так, словно я вернулась раненая из Афганистана и мы не виделись минимум пару лет. - Ты как? Всё в порядке? Я звонила тебе вечером, но твой телефон был отключен, я так волновалась, хотела уже к вам туда на Рубиновую ехать.

- Ну конечно, в порядке. Что со мной будет, - ворчу и, пресекая её трогательный порыв, немного раздражённо снимаю руки подруги с шеи.

- Как прошла ночь... там? Надеюсь, Малиновский не распускал руки? Он не выглядит благонадёжным!

- Может, и распускал, но не со мной точно. Он дома не ночевал, - говорю равнодушно, цепляясь за локоть Аньки. - И слава Богу, зато я выпалась как сурок. Даже удивительно, обычно я на новом месте ужасно засыпаю.

- А ты сказала перед сном, помнишь как нас твоя бабушка учила: "сплю на новом месте, приснишь жених невесте"?

- Ань, - с укором смотрю на подругу, - тебе сколько лет? В двенадцать в эту ерунду верить ещё куда не шло, но в двадцать!

- Ну а что, интересно же, говорят, сто процентов работает, - лепечет Цветкова и склоняет голову к моему плечу. - Женька-а, я так соскучилась. Я вот, наоборот, ужасно плохо без тебя одна дома спала.

Если честно, врать лучшей подруге не слишком приятно, потому что эту фразу перед сном я сказала, и очень надеялась, что приснится мне Джон. Но увы, всю ночь мне снился Малиновский и его поясничные ямочки.

Но какой идиот верит в какие-то дурацкие присказки? О ком на ночь думаешь, тот и приснится - ясно же как белый день, а я столько эмоций от Малиновского за день нахватаюсь, что совсем не удивительно, что он мне приснился. И это совсем-совсем ничего не означает.

Плюс я хоть и ужасно не хотела терпеть его присутствие рядом, но оставаться одной в незнакомом доме было немного не по себе, поэтому я около часа бродила возле окон в надежде, что он всё-таки заявится. Но он не появился, и я, закрывшись на все замки, для верности ещё подперев дверь придвинутым креслом, трижды послала его к чертям и легла спать. И сладко проспала до самого утра, чуть звонок будильника не пропустила.

- А тебе не обидно, что он домой не пришёл? - вдруг задала вопрос Анька, и я фыркнула:

- Да ты что, я только счастлива. Так бы ещё двадцать девять дней и это точно будут самые лёгкие деньги за всю мою жизнь.

И я действительно так думаю. Да мне плевать, где и с кем он там шляется, главное, что комната была полностью в моём распоряжении и мне не пришлось делить её с человеком, который объявил бойкот нижнему белью.

- Кстати, а вот и он, - шепчет Цветкова, и я замечаю возле библиотеки Малиновского и его бессменного напарника по тусовкам Пашутина.

Встречаться с ними у меня нет ни малейшего желания: резко развернувшись на сто восемьдесят, пытаюсь незаметно ретироваться, но совершенно нехотая слышу позади оклик Артёма:

- Ромашкина, доброе утро! Какая приятная встреча.

Натянув язвительную улыбку оборачиваюсь и даже не пытаюсь сделать вид, что рада их видеть.

- Прости, не могу ответить тем же, - незаметно окидываю взглядом Богдана: в отличие от вчерашнего утра он выглядит слегка не выспавшимся, но вполне свежим. Небушко глаз сияет словно кристальная водица Архыз. Терминатор он, что ли. Столько не спать и так лучиться.

- Хочу лично поздравить с бракосочетанием, Богдан клёвый чувак, тебе крупно повезло. Горько молодым! - тянет лыбу Пашутин, и я испуганно озираюсь по сторонам:

- Да тише ты! Мы решили не афишировать. Да, Богдаша?

- Не знал, что вы так близко знакомы, - Малиновский с интересом смотрит на Артёма и тот пренебрежительно жмёт обтянутыми тёмной футболкой плечами:

- Да перекидывались как-то парой слов в интернете. Ничего особенного.

- Серьёзно? Как интересно. А подробнее? - явно оживляется Малиновский, но Пашутин выуживает из кармана жужжащий мобильный, и, извинившись, ретируется. - И давно вы знакомы? - адресовал вопрос уже мне.

- А тебе какая разница? И вообще, у нас пара в другом корпусе, ещё опоздаем. Пойдём, Ань, - тяну за руку Цветкову и слышу язвительное с спины:

- Не хочешь спросить, где я провёл ночь?

- Мне плевать.

- Не волнуйся, я тебе не изменял.

- На это мне плевать вдвойне, - не оборачиваясь мысленно посылаю Малиновского к дьяволу и торопливо сворачиваю за угол, таща за собой Цветкову, совсем как та блонди тянула за поводок свою собачку с выпученными глазами.

- Как ты его! Молодечик, Женька, пусть знает, по чём фунт лиха, - восхищённо лепечет Анька, а я лишь ощущаю, как моё нутро переполняет чувство неприятной злости.

Ведь он действительно провёл с кем-то эту ночь, не с Пашутиным же. А если эта девица узнает, что он женат на мне, то может разнести слух, что Ромашкина - лохушка, потому что муж ходит от жены направо и налево. Не очень-то хочется выглядеть в глазах других безвольной тряпкой.

Да, наш брак фиктивный, но можно же удержать в узде своё либидо один несчастный месяц?

- А вы с ним смотрите, - не отставая от меня, улыбается запыхавшаяся Анька.

- Кто с кем?

- Ну, ты и Малиновский. Очень подходите друг другу. Даже жаль, что всё не по-настоящему.

- Мы с тремя миллионами подходим друг другу. И вообще, хватит глупости сочинять, лучше укорюсь, а то опоздаем.

Часть 11

Подъезжаю к дому и вижу возле ворот чудо: Ромашкина, вытянув длинные ноги, сидит прямо на газоне и с упоением читает книгу. Вернее, это только так кажется, что с упоением: едва услышав шум мотора, поднимает голову и зло смотрит в мою сторону.

Кажется, горгона не в духе. Торможу неподалёку и опускаю стекло:

- А ты чего здесь торчишь?

- Ключи потеряла, - в голосе столько яда, что хватит истребить половину Никарагуа.

- Потеряла? И где?

- Знала бы где, пошла бы и отыскала, - захлопнув книгу, швыряет ту в безразмерную сумку. - Я тебе звонила.

- Серьёзно? - не глядя нашариваю в кармане телефон и вижу несколько пропущенных от Ромашкина. - Сорри, не слышал.

- Не слышал? Ты не слышал, а я полтора часа должна на улице как бездомная прозябать? Я, вообще-то, устала и есть хочу. Вопиющая безответственность. Впрочем, чему я удивляюсь...

И сразу наезд! Всё, этот брак будет точно первым и последним.

Развод - и на вольные хлеба. Манал я.

- Вообще-то, не я виноват, что ты ключи посеяла.

Ромашкина вскидывает на меня злющий взгляд и опалает васильковыми стрелами:

- Малиновский, скажи, ты совсем идиот? Чтобы потерять ключи, нужно их для начала иметь!

И тут меня осеняет.

- Упс. Я тебе ключи не оставил, что ли?

- Представь себе - нет! Я утром просто за собой дверь захлопнула.

А если бы дождь пошёл? Или град? Или...

- Или торнадо, или наводнение, или цунами - я понял. Совсем вылетело из головы, я же извинился. А повинную голову меч не сечет. Садись, - киваю на соседнее пустующее кресло, но ловлю в ответ полный пренебрежения взгляд.

- Сама дойду, - опережая меня, Ромашкина протискивается в плавно разъезжающие в разные стороны металлические ворота и, не оборачиваясь, идёт к дому.

Медленно еду следом, любясь разъярённой фурией.

Может, моя жена и редкостная стервозина, но в свет с такой выйти точно не стыдно: ноги от ушей, тонкая талия и в декольте есть что положить. Понятно, почему Пашутин про неё при споре вспомнил. Хотя когда я потом спросил, почему он скрыл факт близкого с ней знакомства, тот просто слился, ответив, что разве всех упомнишь. Может, общался, может, не общался...

Игнорируя гараж паркую машину возле дома и поднимаюсь по ступенькам к входной двери: Ромашкина уже стоит там, демонстративно смотря сквозь меня.

- Ключ у меня один, нужно заехать в мастерскую. Если хочешь, поедem завтра из универса вместе. Да и туда тоже. Тебе к какой паре?

- Спасибо, но я лучше у ворот опять подожду, не хочу быть тебе ничем обязанной, - цедит она, с преувеличенным интересом рассматривая ящик для почты.

- Да брось, лапуль, мне не сложно. Мы же с тобой вроде как в одной лодке.

Ромашкина окидывает меня ледяным айсбергом взгляда и морщит носик:

- Не знаю, я сама по себе гребу в сторону своих трёх миллионов.

- То есть, тебя только деньги интересуют?

- Конечно! - и смотрит как на умственно отсталого.

Признаться - это немного задевает моё на удивление ранимое эго. Деньги деньгами - это понятно, но неужели нигде и ничего не ёкает? Не припомню, чтобы девчонки так откровенно с меня сливались. Нет, были динамщицы, дешёвые актрисы "я не такая", были те, кто делал вид, что не догоняют - но во всех случаях это была просто игра в кошки-мышки, где я, разумеется, не в роли жертвы. Но Ромашкина, весь её вид транслирует откровенное "терпеть тебя не могу" и это почему-то уязвляет.

- А ты куда это? - оборачивается она, быстро перебирая стройными ногами по лестнице наверх.

- Я? В свою комнату, - не отстаю, следуя по пятам.

- Теперь это моя комната.

- Извини, но нет, она моя. Изначально была моей, моей и останется. Ты здесь временная гостья, и только.

Ромашкина тормозит, сжимает плотно губы, делает резкий разворот и явно намеревается бежать вниз. Хватаю её за лямку сумки и не даю сделать шаг.

- Стоп-стоп-стоп, лань трепетная. Куда собралась?

- Домой, в Печатники. Я не живу здесь и суток, но мне, честно, всё это уже вот где, - проводит пальцем поперёк горла, и я не к месту замечаю, что кисть у неё узкая, аристократичная.

- Да брось, а как же наш уговор. Наследство, месяц, три ляма.

Забыла?

- Да Боже мой, кто будет это проверять? Скажем, что жили вместе и всё. Штамп есть, кольцо есть, зачем всё усложнять? Зачем портить нервную систему? Ясно же, что мы друг друга на дух не выносим.

Я стою на ступеньку выше и вижу, как вздымается её грудь, как беспокойно пульсирует на шее тонкая голубая венка.

- Если бы всё было так просто. В любой момент может нагряться доверенное лицо деда, и если он узнает, что ты здесь не живёшь, то не видать мне наследства, а тебе миллионов.

- Да что это в самом деле такое! Ну почему с тобой всё вечно через одно место! Может, как-то подгадать, я буду здесь к его приезду, сделаем вид, что счастливая молодая семья: планируем пополнение, взяли ипотеку, KIA Рио в кредит, копим на море - всё как у всех.

- План хороший, но, увы, это невозможно.

- Но почему?

- Потому что доверенное лицо деда - мой отец, - ляпаю первое, что приходит в голову. Ромашкина закатывает глаза и, выдернув лямку сумки из моих рук, громко топая снова поднимается наверх.

- Чувствую, из этих трёх миллионов два мне придётся потратить на психиатра. Дурдом какой-то.

Открываю дверь в комнату и вижу, что моя brutальная святая- святых превратилась в жилище куклы Барби. На кровати пушистый розовый плед, подоконник заставлен косметикой, а на любимом кресле-груше в виде футбольного мяча восседает плюшевый медведь.

А ещё этот запах...

Наполняю лёгкие до отказа и хмурюсь:

- Чем это пахнет?

- Это ваниль, - Ромашкина кивает на стакан из которого торчат какие-то коричневые палки. - Помогает снять внутричерепное давление.

- Да блин, Ромашкина, тебе точно двадцать, а не шестьдесят восемь? - делаю шаг внутрь спальни и натыкаюсь на преграду в виде вытянутой тонкой руки:

- Сними обувь. Ты в этих же кроссовках в уборную универа ходишь, а гигиена там, мягко говоря, далека от идеала.

- Да, бабуль, - стягиваю асидасы и аккуратно ставлю их у двери. - Что-то ещё?

- Хочешь жить здесь - чёрт с тобой, но спать ты будешь там, - тычет пальцем на софу и растягивает губы в язвительной улыбке. - Советую меня слушаться и не злить. Поверь, я не настолько нуждаюсь в деньгах, чтобы терпеть рядом с собой вечный раздражитель.

Тряхнув русой копной, Ромашкина выхватывает с оккупированной полки моего шкафа благоухающее пионами полотенце, и, чеканя шаг как бравый солдат у Мавзолея, с гордостью покидает комнату.

Смотрю ей вслед и офигеваю.

Дело приняло неожиданный поворот. Кошка и мышка меняются местами? Да ладно.

Часть 12

- Ну как, крутая вечеруха? А ты идти не хотел, - пританцовывая под ритмы электронного техно, Пашутин протискивается к усеянному лампочками навесу, в тени которого спрятался стол с закусками. Почерпнув из глубокой миски горсть коктейльной смеси, довольно закинул ту в рот. - У Самсоновой все днюхи такие - с размахом.

Праздник и правда был что надо: ярко, громко, с помпой. Девчонки принимают манерные позы и фоткают друг друга на фоне бассейна, чтобы через пятнадцать минут лента соцсети пестрела однотипными кадрами с оттопыренными задницами и недалёким выражением лица.

День рождения Самсоновой Наташи - звезды универа и дочери папы-композитора отличный повод засветиться и, если повезёт, подцепить кого-то посolidнее.

Например, в прошлый её день рождения Горячева, моя бывшая, охмурила лошка Пономарёва - сына судьи, а Дегтярёва - Изотова, золотого медалиста и в будущем перспективного дипломата. И вообще, быть приглашённым на вечеринку Самсоновой - это некий знак качества, что ты не лузер и тусуешься в правильных местах и с правильными людьми.

- А как жена? Нормально отпустила? - шаря глазами по разномастной толпе, поддел Пашутин.

- Нормально, носки погладила, перекрестила, а сама дома сидит, учит лекции.

- Ну а вообще, как она - жизнь семейная? Уже рутина? Раздражённо дёрнул плечом, не желая развивать эту тему.

По правда говоря - ощущение от всего двоякое: вроде бы ещё есть к чему стремиться, ведь победу я ещё всё-таки не одержал, но не могу отделаться от стойкого ощущения неправильности ситуации. Запал ушёл, адреналин рассеялся, остался испачканный паспорт и эксцентричная особа в моей спальне, которая почему-то на полном серьёзе считает её теперь своей. Оккупировала мою территорию своими тряпками, установила какие-то дурацкие правила. Выгнала, чтобы поговорить по скайпу со своим американцем, словно это я у неё в гостях, а не наоборот, а на предложение сварганить что-нибудь на ужин одарила таким взглядом, словно я попросил помочь побросать в реку новорожденных котят.

- Слушай, а почему всё-таки Ромашкина? - задал в очередной раз волнующий вопрос, с которого Пашутин искусно слился, делая вид, что мелодия занимает сейчас всё его существование. - Э, приём, - пихнул локтем в бочину, и Пашутин недовольно скривился.

- Да не знаю я, кто на ум пришёл, того и назвал.

- А мне показалось, что не просто так.

- Тебе показалось, - отмахнулся Пашутин и, глядя куда-то перед собой, расплылся в улыбке: - Лекции учит, говоришь?

Проследил за его взглядом: Ромашкина, собственной персоной. Под ручку со своей подружкой. У обеих вид немного растерянный, словно они здесь случайно оказались.

Неужели такие как они тоже посещают зачетные вечеринки?

- Я бы на твоём месте пошёл и устроил ей выволочку, - откровенно глумясь, прошептал на ухо Пашутин. - Ещё юбку какую короткую надела. А ножки у неё ничего.

- Иди в задницу. Пусть делает, что хочет, у нас свободные отношения, - демонстративно отворачиваюсь и делаю вид, что рассматриваю крутящихся возле праздничного стенда для селфи девчонок. А мысли на самом деле там, за спиной. И какого это чёрта она сюда припёрлась.

- Ну, как я и говорил, - довольно резюмирует Артём и тянется за бокалом разведённого колой виски.

- А что ты говорил?

- Женить-то женил, но приручить увы.

- Не хочу я её приручать - это раз, а два - уговора такого, чтоб к концу срока она по мне сохла - не было. Штамп есть, живём вместе - всё на мази.

- Да это понятно, но я о другом толкую. Уломать-то её на штамп ты как-то уломал, но сделать своей фанаткой точно не выйдет. Не того она поля ягода и на твой накатанный годами пикап не поведётся.

- Больно надо мне её в себя влюбить. Чтобы она потом через месяц мне развод не дала и под окнами серенады пела? Мало их таких, что ли, шизанутых.

- Не, друг, Ромашкина точно не из этих чокнутых, как не старайся

- не поведётся.

- Палец о палец не ударю.

- И совсем не уязвляет самолюбие? Что какая-то там Ромашкина и всё ещё не у твоих ног, - подстрекает Пашутин. Гаденько так шепчет. - Ещё и с мудаком каким-то трётся.

- Что за мудак? - цежу, не оборачиваясь.

- Да дрищ какой-то, вроде в нашем универе учится. О, глянь, он её лапает, офигеть. Я бы точно втащил.

Словно пружина подпрыгиваю на месте и хмуро таращусь на то, как Ромашкина кладёт руки на плечи тщедушного волосатого ботана, позволяя водрузить его клешни на свою талию. Покачиваясь под мелодичные ритмы Рианны, залиvisto хохочет, запрокинув голову назад.

Перед глазами плывёт мутная пелена ярости. Значит, меня она сегодня отбрила, когда в шутку предложил расслабляющий массаж сделать. Разоралась, что у неё парень в Америке есть, а сама свои телеса на полное владение какому-то придурку предоставляет?

Краем глаза выхватываю тошнотную ухмылку Пашутина и понимаю - забра́ло сорвало.

Быстрым шагом преодолеваю расстояние до милующейся парочки и грубо снимаю её руки с плеч этого ушлёпка.

- Э, офигел? Я танцую с Эдиком, вообще-то, - Ромашкина зло выдёргивает ладони и снова кладёт на плечи растерянного Эдуарда.

- Испарился. Живо, - шиплю одними губами, посылая ботану сигналы по-хорошему смотреть удочки и подобрать раскатанную губу.

- Жень, я пойду, наверное, - мямлит дрищ, но Ромашкина прижимает его к себе сильнее, да так, что рябое лицо несчастного едва не синееет.

- Песня только началась, танцуй.

- Ты меня, наверное, плохо слышал? - игнорируя бабские взбрыки смотрю на Эдуарда и тот испуганно хлопает глазами, предпринимая вялую попытку ретироваться. Но Ромашкина оказывается на удивление настойчивой - не даёт и шагу сделать.

- Так что ты там говорил - Веник Огурцова с лекции выгнал? И что теперь будет? - как ни в чём не бывало вещает она, адресуя вопрос дрищу.

Мелкая подружка Ромашкиной стоит чуть поодаль и с ужасом наблюдает за происходящим. В руках зажатый телефон, и это очень и очень плохо - такие как она при малейшем шухере в полицию звонят, как бабушка учила. А шухера будет не миновать.

- Иди сюда, - рычу на Ромашкину, но она продолжает свой пространный монолог о буднях универа, намеренно не обращая на меня никакого внимания.

Ну что ж, она не оставила мне выбора.

- Эдуард, - хлопаю по плечу бедолагу, и когда тот оборачивается - посылаю резкий выброс кулака в табло.

Ботан хватается за переносицу и, качнувшись, садится на корточки. Подруга Ромашкиной истошно визжит, а сама она, плотно сжав губы, оборачивается на меня и посылает глазами проклятия племени Вуду.

- Ты какого хрена творишь? Совсем с катушек слетел, мажор придурочный? - и ележно так, опустившись на колени: - Эдик, ты как? Очень больно? - хватает любезно предложенные подругой бумажные салфетки и тычет в нос поверженному дрищу.

Там и крови-то нет почти, но эта парочка наседок кудахчут так, словно пару минут назад здесь устраивались гладиаторские бои без правил.

Хватаю сопротивляющуюся Ромашкину за предплечье и против её воли тяну подальше от любопытных глаз. К счастью, таких не много - все слишком заняты коктейлями и позёрством, чтобы обращать внимание на мелкую потасовку.

- Ты что это себе позволяешь, совсем берега попутал? - шипит фурия и, спотыкаясь на высоченных каблуках, плетётся рядом безрезультатно пытаюсь вырваться.

Завожу её за угол дома, где значительно тише и совсем никого нет, и устраиваю допрос с пристрастием:

- Это ты что себе позволяешь! Позорить меня задумала?

- В смысле?

- В коромысле! - осталось показать язык и добавить бе-бе-бе - и точно два второклассника на продлёнке.

- Кто ты мне такой, чтобы тебя позорить? - всё-таки вырывает руку горгона и массирует запястье.

- Вообще-то, муж.

- Фиктивный!

- Не важно! Он какой-то галимый ботаник. Лузер. Только посмотри на его тяпку! На моих глазах зажиматься с ним, это, блин... стрёмно. Хочешь мой авторитет в глазах друзей подорвать?

- Эдик мой друг, мы вместе курсовую писали, а ты идиот! И что только на тебя нашло?!

Васильковые глаза сверкают праведным гневом и до меня только доходит: а действительно, что? Пелена какая-то. Наверное, я просто привык держать всё и всех под своим неусыпным контролем, и тут жена! - пусть даже фиктивная, позволяет себе такие вольности.

И вроде бы должно быть пофигу - мне Ромашкина и не нравилась никогда, я её как женскую особь в упор до спора не видел, но вот почему-то не пофиг. И это выводит из строя. Раздрай какой-то.

За домом грохочет популярный трек, по небу хаотично мечутся рассеянные лучи прожекторов: жёлтый, красный, синий. Синий, красный, жёлтый.

Гул голосов, взрывы нестройного смеха, звон разбитого стекла.

- Откуда Пашутина так хорошо знаешь? - уже спокойнее задаю вопрос, но Ромашкина меня игнорит, рассматривая чёрное с разноцветными всполохами небо.

Шумно выдыхаю через нос и считаю до десяти. Эта баба меня точно в могилу сведёт. До чего же упёртая! Кошусь на её профиль: губы сжаты, подбородок горделиво приподнят.

- Так и будем в молчанку играть?

- Не твоего скудного ума дело - откуда, - пыхтит, не отрывая взгляда от мелькающих огней.

- Ну а всё-таки? - не знаю почему, но этот вопрос не даёт мне покоя. Чувствую какой-то подвох, не срастается что-то. И чем дальше в лес, тем острее чуйка.

- Вообще-то, мы в одном универе учимся. Короче, отвали.

Точно что-то не договаривает, но не вытряхивать же ответ силой.

А с другой стороны - какая мне до всего этого разница?

Вообще, ситуация идиотская. Свадьба эта, спор, ботаник. В таблю зачем-то ему двинул.

Опускаю взгляд на правую руку, сжимаю и разжимаю кулак.

Костяшки болят, нормально так заехал, вообще ведь ни за что.

- Я пошла, - роняет она, и я безразлично бросаю:

- Валяй.

Только она делает шаг, как вдруг, кажется, совсем недалеко, откуда-то из-за рядка остроносых туй начинают выпрыгивать со свистом ракеты. Салют!

Хватаю застывшую и порядком побледневшую Ромашкину за талию и притягиваю к себе ближе. Она цепляется за воротник моей джинсовой куртки и вжимает голову в плечи после каждого нового выстрела. В голубых глазах отражаются разноцветные искры и неподдельный ужас; она тяжело и часто дышит, и я улавливаю аромат клубничного мохито.

- У-у-у! Аа-а! - разносятся с той стороны дома радостные вопли на каждый новый залп, которых, казалось, было несметное количество.

Сюрреализм какой-то. Пару минут назад мы разругались в хлам, а теперь зажимаемся как ванильная парочка. И, судя по тому, как она прильнула к моей груди, её наш тандем тоже не сильно напрягает.

Её волосы пахнут ментоловым шампунем, дымом от мангала и немного ванилью. Вспомнил натканные в стакан палочки за занавеской на подоконнике и всё встало на свои места.

Так мы и зависли - крепко прижавшись друг к другу, созерцая чернильную густоту неба с яркими вспышками салюта. И лишь когда залпы прекратились, Ромашкина словно выходит из оцепенения: поднимает на меня глаза и будто вводит в транс бирюзовыми сапфирами. Губы призывно приоткрыты...

Возникла мысль - сейчас поцелует, но вместо этого она брезгливо морщит нос и ядовито так:

- Руки свои убрал.

- Чего?

- Если хоть ещё раз воспользуешься моментом и надумаешь меня лапать...

Офигев, снимаю с её талии руки и засовываю ладони в карманы джинсов.

- Да сдалась ты мне - лапать. Сама приклеилась.

- Я с детства панически грохота салюта боюсь, как и воздушных шаров. Идиот, - и, звонко стуча каблуками о каменную тропинку, уверенно направляется обратно в гущу событий.

Когда я, побродив по задворкам и приведя мысли в порядок тоже возвращаюсь ко всем, Ромашкиной, её подруги и невинно избитого Эдуарда там уже нет. Да даже Пашутин и тот куда-то испарился.

Да уж, вечеруха реально выдалась зачёт.

Отожгла лапуля, твою маму. Да и я не подкачал.

Часть 13

Дурочка! Надо было у него ключи попросить или домой в Печатники ночевать ехать. Когда он теперь нарисуется?

Зато гордая!

Стуча зубами от холода, интенсивно растираю руками покрывшиеся мурашками предплечья. На улице тихо, ряд однотипных таунхаусов погрузился в глубокий сон, только в окнах нескольких домов горит тусклый рассеянный свет. Ну удивительно - второй час ночи. А я на улице торчу.

Зачем вообще только потащила эту дурацкую вечеринку! Это всё Цветкова - позвонила вечером и сказала, что сама Самсонова её на свой день рождения пригласила. Понятно, что не по большой дружбе, они птички совсем-ем разного полёта, просто Анька курсовые для неё за небольшое вознаграждение писала, ну вот и удостоилась великой чести. Разумеется, одна бы она в жизни туда не пошла - позвала меня, но если бы я знала, что Малиновский тоже туда поехал, ноги бы моей там не было.

Хотя сама виновата, надо было догадаться, куда это он вечером так тщательно мылился - весь бомонд универа сегодня тусовался у Самсоновой.

Поднимаю околевшую руку и смотрю на часы: если через двадцать минут не появится, вызываю такси и еду к Цветковой, а завтра подаю на развод! Терпеть к себе такое отношение ниже моего достоинства. Словно слышав мои угрозы, где-то совсем близко слышится шуршание покрышек о гравий - серебристый Бентли Малиновского неспеша катит к воротам. Неужели, явился. Что-то он рано так сегодня, ну надо же.

Против желания вспомнила, как он обнимал меня за домом и поняла, чем это от меня так неумовимо пахнет - его парфюмом.

- Почему не сказала, что домой поедешь? - свесив локоть из открытого до упора окна, выглядывает на улицу Малиновский.

Расселся, важный такой. А тут зуб на зуб уже не попадает.

- Потому что не обязана перед тобой отчитываться.

- Ну и дурочка, так и заболеть недолго. Днём жара, но ночи ещё холодные, а ты без куртки.

- Кто из нас ещё бабушка. Открывай давай, - киваю на запертые ворота и как бы не была на него зла из-за выходки с Эдиком, ловлю себя на мысли, что рада его видеть.

Вернее, не его самого, конечно, а то, что если дома он, значит, дома и я. А это означает, что совсем скоро я приму горячую ванну, а она мне крайне необходима, потому что обтянутые чулками ноги закалили так, что почти потеряли чувствительность.

Доковыляв кое-как до комнаты, первым делом скидываю ужасно красивые туфли на ужасно неудобном каблучке и без сил падаю на кресло-грушу. Обняв Бетховена, прячу обледевшие ступни под такие же ледяные бёдра. Чуть-чуть совсем посижу и сразу в ванну. Буквально пять минут.

А потом всё - как будто рухнула в тёмную бездну.

Проснулась от того, что чья-то тёплая рука трогает меня за плечо. Приоткрыв один глаз, вижу перед собой уже переодетого в знакомые серые треники Малиновского. Футболку он надеть, конечно же, не потрудился.

- Ты чего тут?

- Ничего, устала очень, не привыкла так долго гулять.

- На вот, - и протягивает чашку с дымящимся чаем. И словно оправдываясь: - А то заболел ещё. И меня заразишь.

- А ты только о себе и думаешь, - ворчу, вытягивая затёкшие ноги, но чашку всё-таки беру. Горячий чай с мёдом, какое блаженство. - И долго я спала?

- Минут сорок.

- Надеюсь, ты понимаешь, что в этой комнате ты ночевать не будешь? Хотя бы до возвращения надзирателей, - отпиваю глоток и всеми силами стараюсь не смотреть на его оголённый живот.

- Обычно меня просят об обратном.

- Малиновский!

- Только если ради твоего спокойствия, и, как следствие - моего тоже, - отводит в сторону дверцу шкафа-купе, достаёт подушку и сложенный плед. - Тебе на пары во сколько?

- Не твоё дело.

- Ну ок, - он безразлично дёргает плечом и молча выходит из комнаты, оставив после себя тонкий шлейф Гуччи.

Горячие стенки чашки обжигают ладони и почему-то вдруг чувствую укол необоснованной вины. Хотя какого это чёрта, я ни в чём не виновата.

- Ромашкина-а-а, эй, - кто-то трогает меня за щеку и я с огромным усилием поворачиваю словно налитую чугуном голову на голос. Комнату освещает серый рассеянный свет, по стеклу бьют капли дождя.

- Ты чего спишь? Девятый час уже.

Малиновский стоит рядом, в джинсах, футболке-поло и накинутой сверху кожаной косухе. Свежий и до отвращения благоухающий.

Понимаю, что около часа назад сама вырубилась будильник, потому что просто не смогла подняться с постели. Тело горит, словно его опустили в чан с кипятком.

Натягиваю одеяло выше и хриплю:

- Я не поеду в универ. Кажется, я всё-таки простудилась. Он протягивает руку и деловито трогает мой лоб.

- Точно, у тебя жар. Блин, а у меня из лекарств только аспирин и уголь активированный.

- Ну всё верно, первая помощь алкоголика, - горло саднит, словно по нему прошлись наждачной бумагой. Но даже не это трогает меня сейчас больше всего - я такая страшная и рядом Малиновский. Вот позорище!

- Спишу твой неуместный сарказм на бред больного. Может, скорую вызвать?

- Не надо никого вызывать, на пары езжай, опоздаешь, - накрывшись с головой, отворачиваюсь.

- Ага, хочешь меня в двадцать один год вдовцом сделать?

- Пожалуйста, просто оставь меня в покое!

Он ничего не отвечает и, судя по повисшей тишине, всё-таки оставил. Через несколько минут за окном слышится шум мотора и скрежет открывающихся ворот.

Плохо так, что хочется расплакаться, как в детстве. Раньше, когда я болела, за мной ухаживала мама, потом Цветкова - ставила горчичники, поила какой-то дрянью, а сейчас я совсем одна, в чужом доме, без лекарств. Если я умру, меня даже не сразу обнаружат...

Вытянув руку из-под одеяла нашариваю на прикроватной тумбочке мобильный и пишу Цветковой смс, что заболела и в случае безвременной кончины завещаю ей свои три миллиона и клатч со стразами. А потом неожиданно снова засыпаю.

- Ромашкина-а.

Опять?! Ну опять?

Мокрая и горячая словно грелка выныриваю из-под одеяла и вижу перед собой Малиновского. Плечи и волосы у него влажные, кажется, он попал под дождь. И точно - по вискам бегут мокрые дорожки.

Бегло смахнув с лица капли, он берёт с тумбочки какие-то коробки, что-то шуршит, затем до ушей, словно из-под толщи воды доносится звон ударов ложки о края чашки.

- Короче, я ни черта не соображаю в таблетках, я и болел-то от силы раз пять за всю жизнь, но в аптеке посоветовали вот это. Это от температуры, это от горла, а эти штуки от кашля ...

- У меня нет кашля, - хрипло парирую я и натыкаюсь на строгий взгляд:

- Пей, - он протягивает мне пахнущую химическим лимоном жидкость в высоком стакане и две красно-белые пилюли.

Тяжело приподнимаюсь на локтях и послушно выпиваю всё предложенное. Какая разница, от чего умирать: от температуры или отравления.

Малиновский, нахмутив брови домиком, стоит напротив и выглядит трогательно милым. Озабоченным. Смотрю на него поверх стакана и шмыгаю носом.

- Ты пары прогулял, что ли?

- А, - беспечно машет рукой, - ерунда. К тому же погода дрянь, дома лучше. Я там внизу буду, если что - маяк скинь, поднимусь.

Стягивая по пути косуху бесшумно идёт на выход. Дождь уютно стучит по стеклу, горячее пойло так приятно проходится по раздражённому горлу...

- Малиновский, - окликаю его голосом Джигурды, и Богдан, держась за дверной косяк, оборачивается. - Ну это... спасибо тебе.

- Спи, Ромашкина, - произносит без всякой иронии и тихо закрывает за собой дверь.

Часть 14

- Говорю же - спит она, не мешай!

- Она мне написала, что при смерти лежит, если я узнаю, что это ты с ней что-то сделал... Я тебя по судам затаскаю, понял? И не посмотрю, что твой дед олигарх!

- Да не ходи ты туда! - громким шёпотом протестует Малиновский, но Цветкова словно ураган сметая всё на своём пути залетает ко мне в комнату. Поверх ветровки жёлтый дождевик, стекла очков в мелких каплях.

Подбежав, падает на край кровати и давай сходу причитать:

- Что с тобой? Я чуть с ума не сошла! Чем ты заболела? Тело ломит? Температура сильно высокая? Дай лоб потрогаю, - Анька касается губами моего лба и как будто даже разочарованно: - Да нет, тридцать семь и пять максимум...

- Богдан мне лекарства купил, я выпила что-то, сейчас получше уже.

Малиновский, сложив руки на груди стоит в дверном проёме и выглядит сильно недовольным. Волосы взлохмачены, на щеке красные "сонные" полосы оставленные подушкой. Какой-то он милый сегодня...

Окстись, Ромашкина. Это всё чёртов жар.

Анька с подозрением оборачивается на моего спасителя и фырчит:

- Фигню по-любому какую-нибудь купил. Я тебе отвар с лавровым листом и черемшой принесла, мёртвого поднимет. И горчичники.

Шуршит пакет, на тумбочку сыпятся одна за другой банки со снадобьями. Я смотрю на Малиновского, он на меня, и я с чего-то вдруг ощущаю себя в его присутствии немного неловко.

Совсем не так как раньше, когда меня только один его вид раздражал, сейчас почему-то не раздражает, а смущает.

Точно лихорадка виновата.

- Спасибо, Ань, за заботу, но зачем ты пару прогуляла...

- Не страшно, потом лекцию у Ермоловой перепишу. Ты, главное, лечись, - и тише: - Может, домой поедет? Он же тебя тут угробит! Никакого ведь к нему доверия!

Смотрю на полную тумбочку разномастных лекарств в ярких коробках, тут же перевожу взгляд на Анькины банки с непонятным содержанием и вяло улыбаюсь:

- Не угробит. Я ему кровь из носа месяц живой нужна.

- Ой, ну не зна-аю, - тянет Цветкова и, скинув капюшон, с любопытством озирается по сторонам. - Симпатично тут. Наворовали, нувориши. За счёт наших налогов жиреют.

- Ань! - с укоризной шиплю на болтушку. - Так мы говорим о них, но не при них же!

Но та только лишь отмахивается:

- А то не так, что ли!

Малиновский закатывает глаза и ретируется, и мне становится немного стыдно за подругу. Хоть он меня и бесит, но он вроде как меня спас...

Анька что-то болтает, делится впечатлением о вчерашней вечеринке, как там было скучно и вообще ни о чём, попутно то и дело трогает мой лоб, сует под мышку градусник, втирает в грудную клетку какую-то вонючую гадость, а я, слушая её убаюкивающий щебет, вспоминаю залпы салюта за домом Самсоновой, потасовку с Эдиком, которая уже не кажется мне ужасной, а скорее смешной, тепло рук Малиновского на своей талии и, вопреки состоянию, чувствуя себя слишком уж довольной.

Два дня проходят в каком-то полубредовом сне: температура то жарит, то спадает, я почти ничего не ем и не встаю с постели.

Общение с Джоном пришлось перевести в формат переписки, потому что показываться в таком виде на камеру человеку, который тебя в живую никогда не видел и может сложить превратное впечатление - затея провальная. Зато перед Малиновским хочешь или нет приходится светиться с немытой головой, пылающим щеками и распухшим носом. Не очень приятно, но выбора нет, к тому же он повадился вламываться без стука или после предупредительного скребка, после которого невозможно успеть глазом моргнуть, не то, что привести себя в порядок.

Вот и сейчас, едва заслышав на ступенях торопливый топот и протяжное: "Лапуля-я, твой Айболит вернулся с добычей", я успеваю только убрать за уши растрёпанные пряди, как он уже вламывается в комнату. В руках бумажный пакет со знакомым логотипом, на лице лучистая улыбка.

- Это что ещё такое?

- Бургеры, картошка-фри и изумительные куриные наггетсы. На твою долю взял. Чуешь, как пахнет, - суёт мне под нос упаковку, но я только кривлюсь:

- У меня нос заложен.

- Поверь на слово - съедобно. Всё лучше, чем бурда, что твоя подружка оставила, - он падает вдоль на софу и вытягивает длинные ноги. Те не помещаются на крошечном диване, поэтому босые ступни свешиваются с подлокотника.

- Это не бурда, это бульон, - поправляю, вгрызаясь-таки с бургер. - Кстати, куда ты его дел?

- Кого?

- Бульон.

- Туда, где ему самое место: спустил в унитаз.

- Малиновский! Цветкова старалась! - возмущаюсь, на самом деле мысленно говоря ему спасибо. Бульон и правда был ужасен. - Только ты ей не говори, - и добавляю: - А то ещё привезёт же.

Малиновский весело смеётся, откусывая огромными кусками биг-мак. И вроде бы ничего такого не происходит: и выгляжу я страшилищем, и состояние не ахти, а на душе от чего-то так хорошо. К своему стыду отмечаю, что даже после общения с Джоном давно подобного не ощущала.

Это всё из-за потери визуального контакта, определённо! Нужно срочно привести себя в порядок и устроить видео-связь. Или хотя бы позвонить, услышать его голос.

В пять утра мне от чего-то не спалось и я хотела было набрать ему, потому что в Аризоне как раз был ещё вечер и Джон точно не спал, но кое-что помешало мне это сделать...

- Малиновский, а ты чего сегодня ночью на софе спал? Богдан перестаёт болтать ногой и неуловимо напрягается:

- Не спал я здесь. С чего ты взяла.

- Не ври. Я утром рано проснулась, ты вот на этом же самом месте скрюченный лежал. Он привычно дёргает плечом и запихивает в рот остатки бутерброда.

- Не знаю. Случайно уснул, наверное, - бубнит с набитым ртом и я прищуриваюсь:

- Я в двенадцать спать ложилась, тебя здесь не было. То есть, ты уже после притащился. Мы же договорились, что до приезда отца ты капитулируешь и каждый властвует на своей территории. Так что ты потерял в моём лазарете?

- Зашёл ночью кое-что из ящика забрать, а у тебя было такое тяжёлое дыхание... Короче, отстань. Это как бы мой дом и моя комната, - он стряхивает крошки с растянутой домашней

футболки и поднимается. - Да и мне твоя подруга весь мозг проела, что если с тобой что-нибудь случится - мне хана. Физической расправой грозила. А я с сумасшедшими связываться не привык.

- Но со мной же связался.

- На свою голову.

- Подожди, - меня озаряет не слишком приятная догадка: - получается, ты всё это делаешь по просьбе Цветковой? Ну вот эти лекарства все, чай с мёдом, и сам весь такой паинька.

Он ничего не отвечает и просто скрывается за дверью, а я ощущаю себя неприятно уязвлённой.

И как это теперь понимать?

Часть 15

Утром меня будит невероятно горячий солнечный луч, который неумолимо прожигает дыру в моей щеке.

Середина мая - шикарное время года. Тепло уже как летом, но это всё-таки ещё не лето, и осознание того, что впереди ещё целых три месяца коротких шорт, топиков и любимых босоножек делает тебя невероятно счастливой, наполняя душу восторженной радостью.

Ещё бы выздороветь окончательно и диплом получить...

Скидываю тонкое одеяло, сажусь на край кровати и сладко потягиваюсь. К своей безмерной радости осознаю, что чувствую себя гораздо лучше: голова совсем не болит и першения в горле как и не было. Сразу захотелось вскочить и переделать кучу дел: помыть голову, выщипать брови, нарисовать ногти, а ещё возникло желание спуститься вниз и приготовить Малиновскому завтрак.

Сама не знаю, что это вдруг на меня нашло. Просто захотелось как-то его отблагодарить за то, что он провозился со мной трое суток: ходил за лекарствами, приносил подогретый бульон и чай. Даже стало немного жаль, что всё это закончилось. Это прозвучит странно, но болеть мне даже понравилось.

С упоением принимаю душ, надеваю свободные джинсовые шорты, футболку с изображением американского флага и с прекрасным настроением спускаюсь вниз.

Гостиную заливают солнечный свет, на разложенном диване, засунув руки под подушку спит Малиновский. Тонкая простынь накрывает лишь то, что ниже поясицы (зная его любовь в обнажёнке - и на том спасибо!), спина мерно вздымается в такт глубокому дыханию. Кажется, кто-то дрыхнет без задних ног. Хотя не удивительно - семь утра, воскресенье.

Подхожу ближе и с любопытством рассматриваю выбитую у основания шеи простенькую татуировку. Никаких иероглифов или модных сейчас словечек из разряда "моя жизнь, мои правила", всего лишь два треугольника друг в друге, чёрт знает, что это означает. И хотя я не слишком одобряю эту моду на раскрашенные тела, но Малиновскому эта штука идёт. Как и челка эта дурацкая. И вообще он красивый. Может, даже красивее Джона. Хотя сравнивать их полнейшее безумие: Джон мужественный, сильный, ответственный, он горы покоряет, а Малиновский - рафинированный мажор, и этим всё сказано.

Да, он повёл себя благородно и не дал мне умереть от жара, да, и по морде он дать за женщину может - убедилась, но реального положения вещей это всё равно меняет.

Богдан, словно чувствуя, что его рассматривают будто экспонат громко сопит и переворачивается на спину, являя миру впечатляющий даже во сне рельефный пресс и крошечный краешек того... что приличные люди прячут под нижним бельём. А я, между прочим, хиленькая ещё после болезни, разве можно вот так сразу без подготовки!

Малиновский без футболки - зрелище не для слабонервных, не признать этого я даже при всём желании не могу, а уж Малиновский без штанов...

А если бы одеяло сползло ещё ниже... отвернулась бы я?..

Даже думать об этом не хочу: замираю на месте и дышать перестаю, потому что совсем не хочется, чтобы он застал меня глазающую на него спящего... и без штанов.

Когда его дыхание снова становится равномерным и достаточно глубоким, я на цыпочках крадусь на кухню и плотно запираю за собой дверь. Та-ак, и где тут плита? За все дни своего вынужденного здесь заточения я появлялась в этой локации лишь несколько раз, и то была в таком состоянии, что не видела ничего кроме графина воды и чайника. Прозрела я только сейчас и увиденное впечатлило.

Кухня Малиновских выглядит словно выставочный образец каталога Икеа - всё по последнему слову техники: встроенный духовой шкаф, встроенный холодильник, посудомойка и даже встроенная микроволновка. Две раковины из натурального камня, (внутри одной навалена горка грязных тарелок), длинная барная стойка, небольшая плазма на стене и огромное во всю стену окно. Кроме раковины всё остальное девственно-чистое, новое, словно этим и не пользовались никогда.

Неужели его мама совсем ничего не готовит? Или она, в отличие от меня, просто очень хорошо за собой убирает?

Открываю холодильник и убеждаюсь, что, видимо, либо действительно ничего, либо она так давно отдыхает на каком-то там курорте, что все продукты успели закончиться.

Полки забиты набором холостяка: упаковки яиц, колбаса, замороженные пельмени и огромное количество пивных банок. Никаких овощей, молочных продуктов, в общем, ничего полезного.

Достаю всё подряд и сгружаю добытое на стол, за яйцами обнаружился кусок Российского сыра, и хоть я не слишком люблю и умею готовить, решаю сварганить глазунью и тосты, а ещё сварить крепкий американо во-о-он в той крутой кофеварке. Вот она как раз выглядит так, что сразу видно, что юзают её по полной.

Полная энтузиазма приступаю к готовке: вода шумит, яичница шкварчит, кофеварка гудит, я напеваю под нос классный трек, что въелся в память ещё с вечера самсоновской вечеринки, и не сразу замечаю, что позади меня определённо кто-то стоит.

Резко оборачиваюсь и вижу в дверном проёме мужчину в костюме-тройке и дипломатом в руках.

Мужчина смотрит на меня сквозь прямоугольные стёкла очков и молчит. Русые зачёсанные назад волосы, ямочка на подбородке и небесно-синие, немного усталые глаза. Не нужна никакая экспертиза ДНК - передо мной отец Малиновского, точная копия своего отпрыска.

Или наоборот?

Выключаю воду, вытираю мокрые руки прямо о футболку и растерянно тяну ладонь:

- Ээ, здарсьте. Меня Женя зовут.

- Николай Филиппович, - представляется Малиновский-старший, несильно жмёт мою руку и, вытянув шею, осматривает кухню, словно пытаясь в ней ещё кого-то обнаружить.

Когда он сторонится, я вижу, что диван в гостиной пуст - скомканное одеяло лежит на полу, Богдана нигде нет.

Признаться, чувствую я себя крайне неловко. Я никогда не знакомилась ни с чьими родителями, что в таком случае принято говорить? Рассказать о себе, задать какой-то вопрос или, может, тактично молчать?

Решаю, что последнее точно не про меня и выдаю свою самую милейшую улыбку:

- Я и тут глазунью готовлю. Вы любите глазунью?

- Люблю, - коротко отвечает он и свободной рукой послабляет узел галстука.

- Может, мне и на вашу долю сделать? Продуктов на всех хватит, - спохватываюсь я и лезу в холодильник за следующей порцией яиц.

- А где Богдан?

- Не знаю, в ванной, наверное, - и это чистейшая правда - я действительно понятия не имею где он.

Николай Филиппович с интересом наблюдает за моими манипуляциями, чем ужасно сильно меня смущает и вдруг спрашивает:

- А вы, простите, кто?

- Я? Ромашкина Женя. Богдана... жена, - запинаюсь, ощущая себя невероятно глупо.

Глаза папы удивлённо округляются.

- Жена?

- Ну да.

- Та-а-ак, - тянет он и снова озирается по сторонам. - И давно вы... поженились?

- Несколько дней назад, - пишу в ответ и, честное слово, готова сквозь землю провалиться.

Как же быть - сказать ему, что наш брак фиктивный, или нельзя? Если он доверенное лицо умершего деда, то, может, он не должен знать правду? Ну там буква закона и всё такое. Но в то же время от отца Малиновского, получается, что вроде как скрывать от него этот факт некрасиво...

Решаю, что одна ложь тянет за собой другую, та порождает третью и поэтому говорю как есть:

- Ну я с ним это, - стреляю глазами по сторонам и понижаю голос,

- я с ним из-за наследства.

- Наследства? - глаза Николая Филипповича округляются ещё сильнее.

- Ну да, - вижу за спиной отца приближающуюся фигуру Малиновского и с заметным облегчением громко кричу: - Богдан, иди скорее сюда, папа из командировки вернулся!

Малиновский заходит на кухню: в любимых серых трениках, с зачёсанными совсем как у отца мокрыми волосами, и мужчины, словно два разновозрастных скандинавских бога-близнеца не отрываясь молча смотрят друг на друга.

- Пойдём, поговорить надо, - Николай Филиппович кивает куда-то неопределённо наверх и стремительно выходит из комнаты.

- Я сейчас, - кричит ему вслед Богдан и шепотом шипит мне: - Что ты ему сказала?

- Правду.

- Какую правду, лапуля? Конкретнее!

- Чистую правду. Что я с тобой из-за наследства. А что... это нельзя было говорить, да?

Малиновский картинно закатывает глаза и проводит ладонью по лицу.

- Короче, Жень, больше ничего ему не говори, хорошо?

- Как это? А если он спросит? Я же не буду стоять как немой истукан!

- В общем, ладно, разберусь, - после секундного раздумья машет рукой он и выходит из кухни следом за отцом. - Я ща приду. Сахар в кофе не добавляй.

Все же знают, что любопытство один из пороков? Никогда, слышите - никогда не ведитесь у него на поводу и не подслушивайте чужие разговоры! Потому что я это сделала, и то, что я услышала, мне совсем не понравилось...

Часть 16

Через двадцать минут мы втроём сидим за столом и молча поглощаем получившуюся на удивление сносную глазунью. Приборы лязгают о тарелки, фоном бубнит включенное в гостиной радио.

Мужчины едят с таким аппетитом, будто вкуснее яичницы сто лет ничего не ели.

Я не знаю, о чём конкретно они там говорили за закрытой дверью спальни Николая Филипповича, но когда поднималась вверх в свою комнату случайно (правдоподобно же?), не специально - случайно! - услышала несколько фраз...

- Как ты мог жениться и ничего мне не сказать? Дурдом какой-то! Что на тебя вдруг нашло? Откуда она вообще взялась? У тебя же в прошлом месяце была эта, как её там...

- Алина?

- Ты это у меня спрашиваешь?! Ну по-моему, да, она. А до неё ты встречался с Леной, дочкой Капитонова. Теперь вот эта Женя. А кто будет завтра? Может, Дина? Катя? Или наша соседка Нинель?

- Па, да э

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.